

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

РАЗНОВИДНОСТИ ЗЛА

ОТЯГОЩЕННЫЕ ЭПОМ

Бремя империи

Александр Афанасьев

Разновидности зла

«ЭКСМО»

2014

Афанасьев А. Н.

Разновидности зла / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2014 — (Бремя империи)

2016 год... Исторический враг России, Великобритания, потерпев поражение на полях сражений, не может смириться с новой реальностью. Среди прочих земель Афганистан, который они контролировали больше столетия, ушел под скипетр русского императора. Но так и не обрел покой – подстрекаемые англичанами, террористы и исламисты всех мастей превратили эту страну в настоящую пороховую бочку. И волна террора выплеснулась за пределы Афганистана. После убийства императора Николая Третьего в России все громче стали раздаваться голоса за вывод войск из горного королевства... Но князь Воронцов хорошо помнил древнюю мудрость: «Если ты не идешь на войну, война придет к тебе». И взялся за, казалось бы, безнадежное дело...

© Афанасьев А. Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

14 сентября 2012 года	6
14 сентября 2012 года	16
14 сентября 2012 года	19
11 апреля 2016 года	25
11 июля 2013 года	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Афанасьев

Отягощенные злом. Разновидности зла

© Афанасьев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Мы пилигримы, господин. Под вековечным небом
Единственный мы держим путь среди всех путей
земных —
За гребень голубой горы, покрытой белым снегом,
Через моря в пустыне волн – то ласковых, то злых.
В пещере неприступной там, на неподкупном
троне,
Всевидящ и безмерно мудр, живет пророк святой.
Все тайны жизни он лишь тем доверчиво откроет,
Кто устремился в Самарканд дорогой Золотой.
Приятен караванный путь, когда пески остынут.
Огромны тени. Даль зовет. Колодцы – за спиной.
И колокольчики звенят сквозь тишину пустыни
Вдоль той, ведущей в Самарканд, дороги Золотой.
Мы странствуем по всей земле не только для
торговли.
Нас в путь огонь сердец влечет под солнцем и
звездой.
К познанию Вечности вершим мы странствие
благое
В священный город Самарканд дорогой Золотой.*

Джеймс Элрой Флекер

«Золотое путешествие в Самарканд»

Полковое стихотворение Двадцать второго полка САС

14 сентября 2012 года Афганистан, Кабул Лойя Джирга

Время разбрасывать камни и время собирать их...

Государство Афганистан, павшее в пламени междоусобной войны несколько лет назад, покорилося силе русского оружия как-то незаметно. Все изменилось буквально за несколько дней – в одну из ночей над Кабулом появились русские самолеты, а уже утром изумленные афганцы узнали, что теперь они живут в протекторате Афганистан и являются подданными Белого Царя, о котором много говорили на базарах. Некогда непобедимые британцы бежали быстро и растерянно: праправнук Кутузова, генерал граф Апраксин стремительным ударом в неожиданном направлении пробил непрочную британскую оборону и бросил в тылы моторизованные части. Паника была всеобъемлющей: русских остановили только в двадцати километрах от Карачи при поддержке авиагруппы с авианосца «Герцог Мальборо»¹. Британия терпела поражение в этой стремительной и жестокой войне, и то, что происходило в британской Индии, было вовсе даже не катастрофой, если сравнить с тем, что происходило в метрополии. Убит монарх, погибло больше половины офицеров Имперского генерального штаба, был дан сигнал о неизбежности вторжения, и британцы готовились встретить подходящую с востока объединенную армаду русского Флота Атлантического океана и германского Флота открытого моря, в которой должно было быть то ли шесть, то ли семь авианосцев и два десятка крупных кораблей с десантом.

Но вместо этого было Бисмаркское урегулирование, и генерал граф Апраксин вынужден был переквалифицироваться из полководца в хозяйственника, будучи назначенным генерал-губернатором новообразованного протектората Афганистан и получив чин фельдмаршала русской армии. Протекторат этот, кстати, едва ли не на четверть увеличил свою территорию за счет территорий, присоединенных к нему, точнее возвращенных по условиям «урегулирования Дюранда»². Он оказался полновластным властителем (с изъятиями, конечно, предусмотренными актом об учреждении протектората) тридцати миллионов человеческих душ, многие из которых были голодны, обозлены и привыкли нарушать законы с той же легкостью, как пьяница опрокидывает стакан вина. Хуже того – пуштуны привыкли к разбою, потому что именно это служило основным занятием многих из них на протяжении веков – ибо земля, на которой они жили, была скупа на урожай. Готового рецепта, как поступать в таком случае, не было, однако у теперь уже фельдмаршала Апраксина имелись честь, совесть, добронамеренность и желание хоть что-то сделать для этого гордого и, в сущности, не такого плохого народа. С чем он и приступил к исполнению обязанностей генерал-губернатора и протектора Афганистана.

Город Кабул, столица не признанного половиной государств мира протектората Афганистан, который мог стать Королевством Афганистан уже в недалеком будущем, пробудился ото сна еще до рассвета. Солнце еще не поднялось над горами, охранявшими древний город со всех сторон, подобно каменным стражам, а по улицам уже катили свои огромные телеги весело перекрикивающиеся о чем-то своем хазарейцы, дымились сотни земляных печей, в которых хозяйки готовили первый завтрак для семьи, и на минарет уже поднимался азанчи, чтобы

¹ Авианосец «Герцог Марльборо» – назван в честь Уинстона Черчилля.

² Линия сэра Мортимера Дюранда – линия, отделяющая от Афганистана едва ли не половину исконно пуштунских земель. Они отделялись не навсегда, а в аренду сроком на сто лет и должны были быть возвращены в 1994 году. Но этого так и не случилось.

своим мелодичным азаном возвестить правоверным о необходимости поблагодарить Всевышнего за начало нового дня и пробуждение ото сна, который, как известно, сродни смерти³.

В высоком красивом дворце, расположенном на возвышении, на холме, с которого виден весь Кабул – дворец, кстати, назывался «Топаи Таджбек», – от тревожного, нехорошего сна проснулся человек. Этот человек еще не перешагнул порог своего пятидесятилетия, но в его волосах уже пробивалась седина, а виски были седыми полностью. Еще за последние месяцы у него появились морщины между глаз – так, по крайней мере, говорила его супруга, которая приехала на место службы мужа и привезла детей, на что решилась бы далеко не каждая. Но они были вместе уже двадцать четыре года, и слова «пока смерть не разлучит нас» не были пустым звуком ни для нее, ни для него.

Человек прислушался. Было тихо – лишь рядом мерно посапывала во сне Ольга.

Он осторожно, стараясь не шелохнуть кровать, протянул руку, взял со столика будильник, посмотрел. Пять часов по Кабулу. Надо бы еще поспать, но уже не уснешь...

Он аккуратно встал с кровати, сунул ноги в тапочки. Стараясь ступать как можно тише, пошел к двери...

– Не уходи!

Он обернулся как от выстрела. Жена сидела в кровати и смотрела на него своими зелеными, ведьмиными глазами. Собственно говоря, эти глаза и привлекли молоденького лейтенанта на балу много лет назад.

– Спи. Еще рано.

– Володя, не уходи! Не надо!

В голосе женщины плескался страх.

Он подошел к кровати, взял руку жены и поднес ее к губам.

– Спи. Все нормально.

– Нет! Нет, не все!

– О чем ты?

– Я опять видела! Опять...

Господи...

– Перестань. Это всего лишь сон.

– Нет, Володя, нет! Ты знаешь, у меня бабушка... умела! Это не просто сон! Ты опять там... падаешь с коня!

Цыганская кровь говорит...

– Господи, здесь нет коней. Я поеду на машине... упасть мне грозит только вечером, если я напьюсь во время банкета.

– Нет! Послушай меня... тебе нельзя сегодня идти!

– Но я должен, ведьма ты моя. Это же Лойя Джирга. Все соберутся. Я должен там быть, чтобы зачитать приветствие от Его Величества.

Рука жены бессильно опустилась на роскошное покрывало.

– Не переживай. Все будет нормально.

– Да... – безразлично отозвалась она.

Чтобы хоть немного ее успокоить, он достал кобур с подарочным от Его Величества «орлом». Он редко делал это, понимал – если перебьют всю охрану, то никакой пистолет не поможет. Но все равно...

Она безразлично наблюдала за его действиями.

– Я пошел. Что тебе привезти?

– Что хочешь...

Черт...

³ В исламе сон признается схожим со смертью и пробуждение приравнивается к оживлению.

Он вышел в коридор – как был в халате и тапочках. Стоявший на посту лейб-гвардеец вытянулся, отдал честь.

– Господин фельдмаршал!

Настроение было ни к черту.

– Как наш гость? Спит?

– Так точно. Прикажете будить?

– Нет, нет. Не вздумайте! Я в кабинет. Извольте – завтрак в семь ноль-ноль. Как обычно.

– Слушаюсь! – Гвардеец заговорил что-то в рацию.

Фельдмаршал, граф Апраксин – звание присвоил Государь именным указом, в нарушение порядка производства – отпер ключом, который носил всегда на шее на цепочке, дверь кабинета. Тут хранились нужные бумаги и форма, он никогда не переодевался в спальне при жене. Провел ладонью над нужным местом на косяке, отключая сигнализацию.

Надо было переодеваться, но переодеваться не хотелось. Прямо так, в халате фельдмаршал сел в кресло, которое привез сюда, в чужую страну, из своего дома. Задумался...

Сегодня – Лойя Джирга. В столице страны – большая часть шейхов и амиров племен, в том числе впервые – с той стороны границы, до этого они юридически не относились к Афганистану. Учитывая, с какими буйными и своенравными людьми приходится иметь дело, проблем не избежать...

Другое дело – проблемы как раз сыграют и в плюс. Дело в том, что многие шейхи и эмиры не могли согласиться, что королем станет один из них, это казалось несправедливым. А вот если королем Афганистана станет Белый Царь, о котором хорошо говорят на базарах и воины которого разбили и унизили британскую армию, – вот это будет решением, не унижающим и не оскорбляющим никого. Такое решение проговаривалось при личных встречах, неторопливо и осторожно – собственно, вопрос о будущем государственном устройстве Афганистана поднялся с самых первых дней присутствия. На словах решение было найдено – оставалось узаконить его.

Конечно же, будут против Дуррани. Это племя пуштунского народа, родом из джелалабадских гор, сто с лишним лет было у власти. Во время последней войны британцы победили и унизили их. И если в тайной, террористической войне они ничего не могли противопоставить пуштунам – они унизили их, сделав афганским королем полукровку Гази-Шаха. Так Дуррани потеряли власть.

Они попробуют собрать коалицию. Но против них будут многие. Главными против них будут представители племени Сулейманхейль, их давние конкуренты. Вряд ли обрадуются претензиям Дуррани на власть и Гильзаи, а они тоже имеют немалое представительство. И вряд ли обрадуются представители новых племен, такие как Африди и Шинвари, которые впервые присутствуют на всеафганской Лойя Джирге. Эти будут поддерживать Белого Царя сознательно – как гаранта единства афганского народа. Никому не хочется, чтобы англичане снова забрали свое, тем более что оно им никакое не свое вовсе.

Только бы большинство пуштунских вождей стали на их сторону. Афганистан практически невозможно покорить силой, это познало немало великих завоевателей прошлого. Но здесь можно обо всем договориться. Территории к востоку от линии Дюранда будут козырной картой – никто не захочет их лишиться, и все понимают, что Британия их отдаст Российской империи, но не Афганистану, Афганистан и афганцы для Британии ничто. И многие пойдут на то, чтобы принести клятву верности Белому Царю – взамен на то, чтобы территории, где живут их братья, остались в составе нового, большого Афганистана.

Проблема в Афганистане в том, что эта страна, по сути, никогда не была единой, это был конгломерат племен, многие из которых признавали кабульскую власть лишь формально, получая взамен включенность вождей племен в некие почетные консультативные органы. И это – не изменить, наверное, даже за поколение.

Покорение Кавказа шло на протяжении жизни двух поколений. Генерал понимал, что на Афганистан может уйти не меньше времени.

Как и все дворяне, граф был разносторонне образованным человеком – он, например, в совершенстве знал английский, французский, немецкий, арабский⁴, выписывал газеты и литературу на всех этих языках и читал ее. В журнале *Foreign affairs* глаз зацепился за одну знаковую фразу, которую он запомнил наизусть. Демократия – это не когда проходят честные выборы, а когда после выборов соблюдаются права проигравших. Граф немного поразмыслил и решил, что если эту фразу понимать немного расширенно, то получится одно из ключевых отличий мира цивилизованного от мира нецивилизованного. Действительно, в мире цивилизованном после проигрыша, и неважно чего: выборов, религиозного спора, энной суммы денег в карты – выигравший не пытается уничтожить проигравшего. Они просто расходятся, чтобы встретиться, возможно, вновь в будущем. Они действуют в рамках игры, в рамках правил, не покушаясь друг на друга. В мире нецивилизованном кто-то обязательно хватается за автомат – причем это может быть как выигравшая, так и проигравшая сторона. Выигравшая – чтобы лишить противника шансов на реванш и предупредить возможную месть. Проигравшая – чтобы переиграть партию уже с автоматом Калашникова в руках. И Афганистан в таком случае относится к явно нецивилизованным странам. Граф понимал, что если даже собрать конституционное большинство в Лойя Джирге – а это две трети, – то оставшаяся одна треть никогда не смирится с проигрышем. И этого будет достаточно, чтобы началась гражданская война.

Но если стремиться собрать абсолютное, стопроцентное большинство – Лойя Джирге ни к чему не придет никогда. Просто потому, что, если вождя каждого афганского племени спросить, кто, по его мнению, достоин править Афганистаном, он ответит – я. А так как Афганистан один, удовлетворить запросы всех племен совершенно невозможно. Тем более что надвигается еще один раскол. Афганцы больше ста лет жаждали воссоединиться с пуштунами, которых отрезала от Афганистана линия Дюранда. Теперь же, когда объединение состоялось, коренные пуштуны крайне негативно отнеслись к амбициям новообретенных братьев, особенно к амбициям племени Африды. Вот тебе и еще один раскол – «коренные» против «понаехавших».

Так что единственным выходом из ситуации, по мнению генерала, было установление в Афганистане власти Его Императорского Величества Николая Третьего Романова...

Если королем Афганистана будет один из вождей племен, начнется все то, что было и до прихода англичан. Став королем, он рассует по всем своим постам своих родственников и соплеменников, потому что это требует принцип «нанга», единства со своим племенем. Если он не сделает этого, он будет «бинанга», то есть подлецом. И в таком случае он потеряет связь со своим племенем, его не будут уважать и поддерживать свое племя, не будут уважать и поддерживать чужие – как поддерживать подлеца? Обнаглевшие и малограмотные представители победившего племени начнут угнетать другие племена просто потому, что власть в Афганистане берется именно для этого. А проигравшие племена возьмутся за оружие. И ни о какой нормальной сменяемости власти нельзя будет говорить – да и зачем она здесь, сменяемость власти? Пограбил сам – дай другим пограбить, так, что ли?

А вот если королем Афганистана станет русский Император – дело совсем другое.

⁴ Уровень образованности в Империи по некоторым показателям был просто невероятным. Нормой считалось изучение в бесплатной школе не одного, а двух иностранных языков. В военных училищах обязательно изучали немецкий, как язык основного союзника, и английский, как язык основного противника, причем офицеры должны были знать эти языки свободно. Все дворяне знали французский. Князь Воронцов знал русский, французский, в Одессе ребенком набрался идиш, турецкого и арабского, в Нахимовском училище изучил немецкий и английский, в Ирландии выучил ирландский, в Персии выучил фарси и немного итальянский (от Анахиты), во время пребывания в САСШ выучил испанский. То есть десять иностранных языков. Его Величество Император Николай знал шесть иностранных языков. На Востоке знание пяти языков (русский, арабский, турецкий, английский и немецкий) для выпускника рядовой гимназии считалось обычным делом.

Наличие русского на высшем посту парадоксальным образом не делает проигравшими никого, потому что главное, это чтобы не выиграли другие. Русские находятся вне межплеменных разборок, поэтому и спроса с них никакого нет. Они просто здесь чужие. Опыт Кавказа, Турции, арабского Востока времен замирения показывает, что русских ненавидят, но в то же время предпочитают за правосудием идти к русским. Потому что знают и верят: русский судья будет рассматривать дело беспристрастно, в то же время от «своего» правды не дождешься, он будет судить не по закону, а в соответствии с межплеменными отношениями.

Англичане тоже приходили сюда со своей правдой, правда несколько с другой. Они приходили сюда как оккупанты, в то время как русские приходят как хозяева. В Индии британский новобранец в индийской армии сразу получал звание майора, в то время как пределом званий для индуса было звание капитана – считалось и считается, что англичанин не может подчиняться индусу. В то же время сын имама Шамиля, лидера кавказского сопротивления, стал полковником русской армии. Именно поэтому на Кавказе сейчас порядок, а вот в Индии порядком и не пахнет. Права подданных Российской империи, бесплатные школы, возможность для воинственных и амбициозных горцев делать карьеру в русской армии – вот что мог предложить генерал Апраксин в обмен на переход в подданство Белого Царя. Конечно, взрослые не смогут стать полноправными подданными вследствие недостаточности образования, но вот дети, отучившиеся в русских школах, получают полные права.

Не в последнюю очередь за подданство России будет говорить то, что многие афганцы, которым удалось побывать в Империи, из уст в уста передают истории про город, где воды столько, что по ней ездят, как по дорогам, про богато живущих людей с белой кожей и про Белого Царя, справедливого и мудрого, который не притесняет и не угнетает свой народ, не рассылает по своей стране орд боевиков, не терпит на своей земле англизмов и не торгует дурманом.

Что же касается экономики – ситуация в Афганистане сейчас настолько плоха, что ухудшить ее практически невозможно. Само по себе прекращение сопротивления, прекращение террористических актов, британских бомбежек уже будет способствовать росту благосостояния людей. Введение в обиход твердой валюты, позволяющей делать накопления, прекращение поборов с купцов, сокращение разбоев на дороге – все это могло довольно быстро оживить местную экономику и способствовать тому, чтобы люди могли прокормить сами себя хотя бы на минимальном уровне. Конечно, это не Персия, где до махдистского мятежа была высоко-развитая промышленность, но этим и проще: восстанавливать почти нечего. Если не считать заброшенной англичанами добывающей промышленности. Если что-то и строить, то строить с нуля.

Граф задумывался о струннике Юницкого. Передовая технология скоростной транспортировки грузов, возможно и людей, получила в Российской империи очень ограниченное распространение. Прежде всего, потому, что уже были созданы мощнейшие железнодорожные компании, они вложили огромные деньги в инфраструктуру, привлекли деньги банков, а потому и банки и железнодорожники не были заинтересованы в конкурентах. Благодаря стратегической железной дороге удалось максимально сбить цены на трансграничные перевозки, поезд с шестиметровой колеей перевозил столько же груза, сколько и небольшой сухогруз, причем со скоростью в двести километров в час. А струнник надо было прокладывать. Поэтому струнник был широко распространен лишь в Заполярье, где прокладывать железнодорожную колею проблематично из-за низкой несущей способности грунтов, и кое-где в Сибири. Но вот здесь...

Длина железной дороги в Афганистане была равна примерно полтора километрам, это был путь в центре города, проложенный по указанию короля еще в двадцать первом году. На этом дело встало. Ветка имперской железной дороги идет почти по самой границе с Афганистаном, станции можно расширить и подготовить к приему грузов. Но вот дальше...

Старая дорога через Саланг со знаменитым тоннелем не справляется с грузопотоком уже сейчас, расширить ее невозможно. Строить железную дорогу через Саланг – безумие. Затраты просто невероятные, потребуются десятки мостов, тоннелей, инфраструктура будет крайне неустойчивой из-за возможных лавин и оползней. Но вот если провести гораздо более дешевый и быстро возводимый струнный Юницкого до Кабула, а потом и дальше – до Кандагара и Карачи...

Тогда удастся по-настоящему воссоздать Великий шелковый путь. Кабул превратится в город-базар, равно как и Желалабад, как и Кандагар, русские товары будут закупать здесь купцы и контрабандисты как из Британской империи, так и из континентальной Японии. Британия уже не сможет без конкуренции поставлять в Индию свои плохие и дорогие товары, ей придется конкурировать с контрабандой русского происхождения – а это значит, что Британия не сможет быстро аккумулировать деньги на свое восстановление и выпадет из ряда великих держав. Плохо придется и континентальной Японии – хотя не так плохо, как Британии. Работу – строительство, торговля, охрана – получают большинство афганцев, впервые за все время существования своей страны. Конечным пунктом пути пока будет Карачи – город с населением в двадцать миллионов человек. Его Величество уже пожаловал Карачи такой же статус, как Одессе, – открытого торгового города. А это значит, что Карачи скоро будет азиатскими торговыми воротами Империи.

И все это опирается в сегодняшнюю Лойя Джиргу...

Фельдмаршал Апраксин быстро оделся. Пристегнул к поясу наградное, «анненское» оружие, которое он заработал в честной схватке с боевиками в Польше. Форма фельдмаршала русской армии не изменилась не протяжении веков и представляла собой узкий мундир-сюртук старого стиля с высоким красным воротником, белые, обтягивающие штаны, высокие кавалерийские сапоги, широкая, фиолетовая перевязь через плечо. Фельдмаршальский жезл, входивший в состав положенной формы, обязателен был лишь на Императорском Смотре, поэтому фельдмаршал не взял его с собой. Зато пристегнул справа то, чего фельдмаршалы русской армии обычно не носили: массивную кобуру с тяжелым автоматическим пистолетом «орел» ручной работы. Пистолет был отлажен, смазан, заряжен и поставлен на боевой взвод.

В полной парадной форме фельдмаршал вышел из своего кабинета. Стоящие на посту солдаты взяли «на караул».

Фельдмаршал прошел к лестнице, спустился по ней на первый этаж – именно там, в комнате, которую раньше занимала охрана, жил человек, с которыми они долгими-долгими вечерами спорили о судьбе и о будущем Афганистана.

Этому человеку только исполнилось сорок, но выглядел он на все пятьдесят с хвостиком: местная жизнь старит людей. Он был ниже ростом своего отца, но никто не смел отказать в уважении ему, шейху почти исчезнувшего племени. Большая часть его племени погибла, сгорела в атомном огне – это было еще одно преступление британцев на этой земле, – но он выжил, и выжили те, кто собрал под свое крыло разрозненные и разбитые англичанами остатки племенных ополчений. Благодаря помощи русским оружием и русскими деньгами, шейху Дархани удалось создать эффективную афганскую милицию, практически единственную в стране, которую боялись агрессивные исламисты и даже англичане. Это было единственное нерелигиозное и неплеменное вооруженное объединение, пуштунская милиция, которая имела в стране реальную силу. Опорной точкой этой милиции было ущелье Пяти Львов – Пандшер. Ни одному завоевателю ни в древности, ни сейчас не удалось завоевать это место. Никому. Никогда.

Этого человека нельзя было назвать русским агентом – русские не выдвигали таких требований, на тот момент им гораздо важнее было создать в стране антибританскую оппозицию. Этот человек до сих пор хранил снайперскую винтовку, подаренную ему русским офицером-советником. И он был за лучшее будущее для пуштунского народа, оставаясь при этом

типичным пуштуном, с намусом и нангой. Именно с ним спорил вечерами фельдмаршал, вырабатывая в спорах аргументы, которые следовало применить в спорах с другими старейшинами.

Граф посмотрел на часы – чтобы не попасть на время первого намаза: нельзя отвлекать человека, когда он говорит с Богом, нужно уважать веру людей. Тем более, если это единственный человек, на которого хоть как-то можно положиться в этом бурлящем котле...

Граф постучал. Затем вошел.

Человек уже закончил намаз и убрал молитвенный коврик, саджаку, с глаз. И успел одеться. Он оделся как простой афганец – одежда их почти не изменилась с тех пор, как изобрели ткань машинной выработки – за исключением обуви: растоптанные чувяки сменила добротная армейская обувь, купленная на базаре или снятая с ноги убитого. В остальном... широкие штаны грубой ткани, рубаха с широкими рукавами, похожая на русскую, но не белая, а из грубой темной ткани, теплая безрукавка мехом вниз – ее носят все афганцы, даже в помещении. На голове – небольшая шапочка из овчины, паколь, подобно московской «боярке», только примитивнее. Часы на руке – для афганца один из символов успеха и одновременно приобщенности к ценностям цивилизованного мира. Здесь часы есть не у всех, даже у тех, кто может себе это позволить. Время здесь течет по-другому, неспешно, но и неумолимо.

Этот человек должен был получить в будущем правительстве пост министра по делам племен, и пост этот был, наверное, более важен, чем пост, скажем, премьер-министра. Потому что от племен зависит спокойствие в Афганистане, мир в Афганистане. От нескольких десятков племенных князьков со всеми их амбициями будет зависеть, будет мир или нет.

План мирного развития Афганистана, который они предложат Лойя Джирге, был разработан в этом дворце, он проговаривался долгими вечерами между этими двумя людьми, потом подключили еще небольшую группу востоковедов – специалистов по дари. В основе плана лежала широкая автономия, предоставляемая племенам, по типу казачьих войск на территории самой России. Каждое крупное племя, или племенная группа, получает свою землю, свою территорию, на которой живет как будто в отдельном государстве. В частности, племена получают право формировать местную полицию (фактически легализовать племенное ополчение, которое и так есть, и разоружить его невозможно) и племенной суд, где будут судить по законам племени. Племя получает право участвовать в переговорах в качестве стороны по разработке тех природных ископаемых, какие найдут на его территории, а также право взимать плату за проезд по дорогам, которые проходят по территории племени. Фактически это так и было, делать с этим было ничего нельзя, оставалось только узаконить, введя в приемлемые рамки. Так, плата должна была устанавливаться не произвольно, а в соответствии с качеством и длиной дороги, а племя в обмен должно было гарантировать безопасный проход по дороге и отсутствие нападений боевиков-душманов. Душман – так в Афганистане назывались лихие люди, грабившие купеческие караваны. Во время британского присутствия британцы стали называть так тех, кто нападает на военные базы и караваны. Душманы были препятствием на пути установления нормальной жизни в Афганистане – и сделать что-то с этим могли только сами афганцы.

В обмен племена обязывались поставлять рекрутов в армию Белого Царя. Это не было принуждением, ситуация с армией в Афганистане была вот какой. В армии обычно служили представители только некоторых племен, остальные не давали рекрутов в армию вообще. Разобраться с этим вопросом должна была Лойя Джирга, но фельдмаршал Апраксин был уверен: рекруты все же будут. Как объяснил ему его афганский друг, рекрутов в армию будут поставлять прежде всего слабые племена, племена, у которых недостаточно земли и влияния. Армия в Афганистане – это социальный лифт, в армии хорошо кормят, бесплатно дают одежду, учат грамоте и учат воевать: по меркам афганца – это все равно что рай земной. Человек, отслуживший в армии даже солдатом, очень ценится, не говоря уж про унтер-офицера или офицера. И те племена, которые захотят изменить свой статус, будут давать своих сыновей в армию. Так что, если кто и не будет давать рекрутов, давить на это племя не стоит, нужно просто держать

это на заметке. Еще Белый Царь печатает деньги (на это право покушений не должно было быть, деньги нужны были всем, и обеспеченные) и оставляет за собой право высшего судьи. Со вторым тоже не должно было быть проблем: племенные вожди понимали, что, если над ними не будет беспристрастного судьи, будет постоянно литься кровь.

Проблема была в том, что это все было совсем не то, что нужно Афганистану. Право же – фактически конфедерация с беспределом племенных вождей, многие из которых были отнюдь не лучших нравов, с консервацией отсталого племенного строя – это дорога, ведущая в никуда.

Нужно было время. Двадцать лет.

Троянским конем, как всегда, были школы. Вожди должны были согласиться на то, чтобы отдать детей племен в школы и не препятствовать открытию школ на территории своих племен. Это должно было изменить Афганистан.

Предложение могло пройти и без сопротивления. В Афганистане юноша, который умел читать, писать и считать, был отрадой семьи, потому что он мог поступить на государственную службу и стать королевским чиновником, мог пойти к крупному купцу писарем (то есть бухгалтером) или сам стать купцом, мог стать врачом или портным, наконец – он мог уехать из Афганистана в цивилизованную страну, найти там работу и посылать семье переводы. Другое дело – что каждая семья рада дать образование своему сыну, но вряд ли им понравится, если образованными будут все. И тем не менее – русская власть в лице графа Апраксина планировала настаивать на этом. Не сдавать этот рубеж ни за что.

Через двадцать лет грамотное поколение войдет в жизнь. Оно будет в основном жить в городах, работать на нормальной, требующей значительных знаний работе, многие уже в городах закончат полный гимназический курс образования и поступят на высшее образование. Они уже не потерпят над собой власти полуграмотных самодуров-царьков, они не будут подчиняться заскорузлым, покрытым пылью времен законам – они захотят жить в нормальной, цивилизованной стране. Женщины тоже захотят перемен – навряд ли какой-то афганской женщине нравится, что ее могут продать, как скотину, на базаре, могут убить просто так, ни за что, что у мужа может быть несколько жен.

И тогда снова начнется война, но в этой войне на их стороне будет больше половины населения Афганистана. И они одержат победу, на сей раз – окончательную победу...

– Что говорят пуштуны, начиная какое-нибудь важное дело? – спросил фельдмаршал Апраксин, глядя в глаза своего гостя.

– Они говорят, что для начала не мешало бы позавтракать...

Завтрак быстро накрыли в комнате, примыкающей к кухне, – смысла занимать обеденную залу не было. Завтрак был афганским, но богатым – с мясом. Мясо барашка, правда холодное, оставшееся после вчерашнего ужина. Зато лепешки и кислое молоко с зеленью – тоже примета богатства хозяина – свежие.

Супруга фельдмаршала Ольга к завтраку не вышла, и гость даже не подумал спросить, где она и что с ней. По меркам пуштунов, интересоваться у хозяина дома относительно его жены – любой вопрос, даже самый невинный, считается верхом бестактности.

– Почему вы на нашей стороне? – вдруг спросил фельдмаршал.

– Простите? – переспросил гость.

– Мы с вами довольно давно знаем друг друга. Вы не предатель, но вы понимаете, что после сегодняшнего многие сочтут вас предателем. Человеком, предавшим пуштунов, продавшим их Белому Царю. Но я не думаю, что вы лицемерны. Так почему вы на нашей стороне?

Гость вытер пальцы и рот салфеткой. Умение пользоваться салфетками и столовыми приборами выдавало в нем не совсем обычного афганца. Афганцы едят руками, максимум чем они умеют пользоваться – ножом, чтобы наколоть на него куски мяса. Еще некоторые племена

переняли от русских обычай жарить мясо над огнем на стальных прутьях – правда, пережаривали.

Заданный хозяином дома вопрос был тоже бестактным – в Афганистане вообще не принято спрашивать что-либо «в лоб». Однако гость долгое время знал русских и знал, что они могут спрашивать и так – у них это считается нормальным, как и то, что хозяйка этого дома не носила даже платка и вступала с ним – посторонним мужчиной – в разговоры. Однако на вопрос надо было ответить – этого требовали и правила поведения в гостях, и понимание того, что русскому нужны какие-то гарантии, что он не переметнется на другую сторону. История Афганистана полна предательств, предать неверного здесь не позор, а доблесть...

– Вы знаете, что значит быть мужчиной? – вопросом на вопрос ответил афганец.

– Полагаю, что да, – ответил фельдмаршал.

– В Афганистане быть мужчиной – значит подчиняться требованиям кодекса поведения Пуштун-Валай, а также быть мусульманином. Именно так это было всегда. Именно так меня учил мой отец. – Афганец на секунду поднял глаза, воздавая должное ушедшему: – Долгие годы мы все – я, мои братья, другие люди моего племени – учились этому. Мы учились стрелять, воевать, убивать. Мы радовались, когда мусульмане нападали на неверных. Мы радовались, когда лилась кровь и когда мы лили ее сами. Мы считали, что мы живем правильно и нам нечему учиться у других народов – наоборот, это другим народам нужно постигать все благородство души, все мужество пуштунского воина. А потом прилетел самолет, и моего племени не стало. Почти всего моего племени не стало. Вы знаете об этом?

Фельдмаршал кивнул – он знал это. Еще одно преступление в длинной цепочке злодеяний, совершенных англичанами на этой земле и в других землях. Тем, кто вопиет об ужасах персидского замирения, о взрыве в Бендер-Аббасе, следовало бы изучить историю Афганистана. Когда англичанам потребовалось, они применили ядерное оружие не задумываясь, это было первое боевое применение ядерного оружия за последние тридцать с лишним лет – и они пошли на это без всяческих колебаний. А потом забыли об этом. У англичан есть одна неприятная черта – они забывают о том, что совершили, а потом нагло смотрят на тебя и говорят, что этого не делали. Или придумывают какие-то небылицы...

– ...Так вот, эфенди, я тогда задумался – мы же живем на одной земле. Вы, англизы, пуштуны, хазарейцы – мы все живем на одной земле. Для того чтобы добраться до земель твоего народа отсюда – два дня пути на машине, эфенди. Но почему-то у проклятых англизов нашелся и самолет, и бомба, чтобы сжечь нас невидимым огнем, а у нас ничего этого не нашлось, понимаете?

Фельдмаршал снова кивнул.

– И тогда я посмотрел на то, как мы живем, эфенди, и сравнил с тем, как живут другие. У меня были русские друзья, я спрашивал их, как они живут. У каждого есть машина, а у нас это роскошь, у многих нет даже осла, потому что осла надо кормить, а нечем. У многих есть собственный дом, а у нас даже в Кабуле многие живут в земляных домах⁵, в норах, как крысы. Наконец, у вас есть такой же самолет и такая же бомба, как у англизов, и поэтому англизы десять раз подумают, прежде чем сунуться к вам. А ваша армия захватила Афганистан и прогнала англизов за три дня, сделав то, что мы не могли сделать сто лет. Те люди, которые будут потрясать оружием на Лойя Джирге и говорить хвалебные речи, и многие из них смелые люди и умелые воины, эфенди... но ни они, ни их отцы, ни отцы их отцов не смогли сделать то, что вы сделали за три дня.

И тогда я понял, эфенди, что мы не учителя, а ученики и что нам надо учиться жить, как и вы, чтобы никто больше не посягнул ни на наш народ, ни на нашу землю. Что Лойя Джирга, какие бы правильные слова в ней ни были сказаны, ничто против самолета и бомбы. И потому

⁵ До прихода СССР в 1979 году так и было. Более того – существовал даже подземный рынок.

я решил, что мое племя и я будем служить Белому Царю. Потому что служить великому Царю лучше, чем жить в земляной яме и ждать, пока англизы опять придут.

Фельдмаршал кашлянул:

– Я... не могу говорить за Его Величество, вы должны это понимать, друг мой. Но... полагаю, если бы Его Величество слышал это, он сказал бы, что ему не нужна служба. Слуг и так достаточно... но слуга служит за деньги. А друг... друг – это не слуга. Каждый народ из тех, что живет в Империи, блюдет свои традиции, волен молиться своим богам и говорит на своем языке всякий раз, как захочет... – Фельдмаршал протянул руку. – Вот хлеб. У нас есть традиция: пожать друг другу руки над хлебом – означает крепкую дружбу навсегда. Давайте пожмем друг другу руки, а потом пойдем на Лойя Джиргу. И попытаемся что-то сделать хорошее для вашей страны и вашего народа – право же, они мало видели хорошего за всю их жизнь...

14 сентября 2012 года Афганистан, Кабул Северная часть города

Вопреки бытующему мнению – Афганистан до прихода русских звал и хорошие времена. Шестидесятые... семидесятые... период относительного мира во всем мире за исключением Тихоокеанского региона. Страна была под британским влиянием, британская молодежь направлялась сюда «прочистить голову». Прочищали голову обычно с помощью конопли – в Афганистане было полно конопли, она росла на склонах гор, как сорняк, и сами афганцы курили ее, как другие курят табак. Право же, табак стоит денег, а тут – нарвал и кури. Выделяли тут и опиумный мак, мало кто знает, что опиумное молочко идет... точнее, шло на приготовление различных лекарств. Более того, до семьдесят третьего года любой врач с лицензией мог прописывать больным и кокаин и героин в качестве обезболивающего и успокоительного, таким образом, наркоман мог получать небольшие дозы легально.

Потому в шестидесятые годы едва ли не на каждой улице Кабула можно было встретить хиппи. Бородатые, нечесаные, от избытка доступных наркотиков совершенно потерявшие понимание времени и пространства, они перемещались по городу как сонные мухи, покупали лепешки на базаре, пили из реки Кабул, из которой сами афганцы пить не осмеливались, валялись прямо на земле на туристических спальниках и исповедовали свободную любовь. Афганцы их не трогали, считая их почти что *бидуна* – святыми сумасшедшими, юродивыми. С тех пор прошло столько времени, что иногда казалось, будто вся планета изменилась. Компьютеры, Интернет. Но тут... тут не изменилось почти ничего. Кроме людей...

Старый, потрепанный «Фиат» – универсал, с большими круглыми глазами фар, его за это называли еще «лягушкой» – остановился на углу так называемого «британского района», укрепленного района на севере столицы страны, где жили британские специалисты. Район этот сильно отличался от обычной кабульской застройки, состоящей то из дорогих вилл, то из непередаваемого убожества лачуг. Британцы построили для персонала посольства, британской больницы, университета, дилера «Бритиш Моторс» и некоторых других органов и организаций, действующих в Кабуле, крепенькие бетонные четырехэтажки, примитивные, но при необходимости превращающиеся в бетонные бастионы. Четырехэтажки стояли правильными квадратами, в центре каждого такого квадрата была общественная зона – футбольное или волейбольное поле, к примеру. Его размеры были рассчитаны аккуратно под посадку среднего транспортного вертолета типа «Вестминстер».

Сейчас британцы покинули этот район, и его обживали русские. Пока их было немного – большую их часть составляли врачи и корреспонденты. Ничего особо интересного здесь никто не ждал – открытого сопротивления русским не было, жизнь приходила в некую норму. Были здесь, конечно, и разведчики...

Молодой парень, с вытянутым лицом, разночинского вида, с очками в золотистого цвета оправе на большом носу, шмыгнул на переднее сиденье машины, рядом с водителем. На нем был армейский универсальный жилет, только вот переделанный под репортерские нужды, и с ним была серая, джинсовой ткани сумка под камеру. Была у него и аккредитационная карточка, подлинная и непросроченная, выданная присутствием⁶ генерал-губернатора. Последним штрихом, подтверждающим то, что он является журналистом, были ручка и карандаш в нагрудном кармане, оба дорогие, автоматические, в стальном корпусе.

⁶ Присутствие – аналог британского «офис». Если там говорят «офис окружного прокурора», то у нас «присутствие окружного прокурора».

– Салам алейкум, – поздоровался он, – я не опоздал?

Водитель ничего не ответил, только хмуро посмотрел на него и тронул машину с места.

«Фиат» покатился вниз... Дорога шла вниз под небольшим уклоном, чтобы выйти, в конце концов, на Майванд, главную транспортную артерию афганской столицы, ведущую из западных пригородов в Старый город на востоке, огороженный старинным забором с воротами, закрывающимися на ночь. Мимо катились бетонные заборы, оставшиеся еще от англичан, хазарейцы в своих деревянных сандалиях, натужно тянущие в гору свои неподъемные телеги, часто даже вдвоем – один тянет, другой толкает. Велосипеды... простые афганцы охотно покупали велосипеды, потому что велосипед не требует бензина, как машина, еды, как осел, и если даже на нем наехать на мину, то только поранит, но ногу, скорее всего, не оторвет. Те, кто побогаче, использовали мотоблоки, к которым пристегивали самодельные телеги, и везли товар, ведя мотоблок в поводу... Благотворительные организации поставляли мотоблоки в сельские районы, но там они ломались, да и бензина не было, а вот в городе были и мастера и бензин. Машин было мало, в основном – британские, семидесятых – начала восьмидесятых годов, разрисованные, как передвижные храмы. Было много женщин, закутанных в чадры... по утрам их бывало много, они шли на базар за покупками, и это было единственное, ради чего они могли выйти из дома без сопровождения мужчины. Много было и детей – они кланчили милостыню, бросаясь едва ли не под колеса. На фоне этого настоящими мастодонтами выглядели русские грузовики... русские караванщики до сих пор снабжали Афганистан всем необходимым, порой даже мукой, когда той не хватало. Угрюмые, носатые, высокой посадки, с колесами в рост подростка, кустарно бронированные автомобили казались реквизитами из фильмов об инопланетном вторжении. Оставалось только понять – на Землю или с Земли на другую планету...

Были и патрули на броневиках, но немного. Зато было больше, чем обычно, разукрашенных, с пулеметами пикапов, они стояли у дверей вилл, а заборы и стальные ворота этих вилл были разукрашены разноцветными лентами... причем сочетание цветов имело значение и обозначало то или иное племя. Это – многочисленные местные князьки и эмиры приехали на Лойя Джиргу, чтобы себя показать и на людей посмотреть. Еще больше родственников и членов племенных формирований ожидало во временных лагерях за чертой города – во избежание, так сказать, русские постановили, что вождь любого племени, большого или малого, может привести с собой только двадцать человек. Вожди подумали и, от греха, зная сами себя – согласились...

Журналист достал камеру, небольшую, полупрофессиональную, пишущую на карту памяти последнего поколения, емкостью в сто двадцать четыре гигабайта, и начал снимать, опустив окно машины. Водитель заметил это, молча дотянулся и вырвал камеру. Положил ее между сиденьями рядом с архаичной палкой переключения передач.

– Эй!

– Не то снимаешь...

Журналист обиженно замолчал, но ненадолго. Профессия журналиста предполагает толстую кожу – профессионального журналиста очень нелегко оскорбить...

– Меня Иосиф зовут. А тебя?

Водитель хмуро усмехнулся.

– Жид, что ли?

– Нет, русский.

– Ага. А я грузинский...

В водителе и в самом деле было что-то грузинское... черные вьющиеся волосы и нос, например. Впрочем, он мог быть и местным...

– Ты антисемит?

– Нет. Но кто вас любит...

Водитель снова цинично хмыкнул.

– Ну, кому надо, тот любит... – ответил журналист, – давно здесь работаешь?

– Давно...

Перед выездом на Майванд образовалась пробка – два кортежа не могли поделить дорогу. Водитель раздраженно нажал клаксон, который был тут не в центре ступицы, а на одном из отходящих от нее крыльев...

14 сентября 2012 года Афганистан, Кабул Бывшее здание МВД

Долгое время не удавалось подобрать подходящее место для проведения Лойя Джирги – не подходило ни посольство, ни «Арк» – городской королевский дворец, ни «Таджбек» – новый пригородный. В конце концов решили остановиться на имеющей довольно приличных размеров зал новостройке Министерства внутренних дел Афганистана, в самом центре города. Это было восьмиэтажное, массивное здание, чем-то напоминающее здание североамериканского посольства в Сайгоне. Напротив было здание «Радио и телевидение Афганистана» ...

Несмотря на то что фельдмаршал Апраксин по своему чину имел закрепленный за ним вертолет, который мог совершить посадку на крышу здания министерства, он сам понимал, что использовать его не следует. Следует взять машину и приехать на машине как все. Афганцы – очень гордые люди, болезненно реагирующие на любую демонстрацию превосходства над ними... даже на то, что генерал-губернатор использует вертолет. Вертолет напоминал им о британцах и о том, кем они являлись сейчас – небольшим, но воинственным народцем, отставшим в развитии от цивилизованных стран примерно на сто пятьдесят лет. Пройдет время, и, как и в Багдаде, вертолет будет дорогим транспортным средством, которое может себе позволить каждый, имеющий деньги. Но пока тут так, и не стоит ломать все это через колено. Британцы уже попробовали...

И потому фельдмаршал Апраксин в сопровождении небольшой охраны вышел из своего бронированного автомобиля, точно так же, как до этого подобное делали шейхи и эмиры племен. Это напоминало синематографический фестиваль – девять ступенек, девять шагов, лестница, покрытая красным ковром. Вот только вместо ярко разрисованных рекламных перетяжек и полотнищ с названиями новых фильмов – простое, белое полотно, призванное перекрыть линию прицеливания снайперам, а вместо рукоплещущих фанатов – бородатые архаровцы с автоматами...

В холле Апраксин заметил шейха Абдурахмана Рази, вождя племени Шинвари. Один из самых образованных людей на Джирге, знает восемь языков, правда половина из них – восточные. Шейх кивнул, давая понять, что нужно поговорить...

Фельдмаршал сделал знак, и охрана моментально отгородила своими телами место в углу. Лойя Джирга должна была вот-вот начаться, кабинета, чтобы нормально поговорить, не было...

– Да пребудет с вами Аллах, – начал шейх.

– И вас, да коснется милость его...

Шейх кивнул.

– Аллах щедр на милость, это верно. Но когда на свет появлялись некоторые из присутствующих, он был явно в гневе.

Фельдмаршал пожал плечами. Он знал, что это будет – несмотря на то что афганцы считались единым народом, междоусобная грызня не прекращалась ни на минуту...

– Вам судить. Вы лучше знаете всех здесь присутствующих...

– Например, вон тот негодяй Суруби... видите, вон тот, у него еще чалма хаджи⁷ – он очень богомольный человек, по-видимому, замаливает грехи. Аллах запретил кровосмешение, а он сожительствоет со своей родной дочерью, и уже родился ребенок. Вон тот... Самед... он говорит, что у него степень по фикху, но его выгнали с третьего курса богословского факультета за то, что он любил маленьких мальчиков больше Аллаха, и про то знал весь Кабул. А вон

⁷ Хаджа – человек, совершивший хадж. В этом случае обычно в чалме бывает зеленая лента.

и Абдалла... этот недавно отправил сына в Оксфорд... он и сам там учился. И чему его там научат хорошему для Афганистана, спрашивается...

– Уважаемый... – фельдмаршал ладонью показал, что достаточно, – в традициях моего народа харам говорить о других за глаза. Если вам что-то есть сказать, вы можете сказать это открыто, публично...

Шейх покачал головой.

– Я говорю это вам для того, чтобы вы знали – на Лойя Джирге у вас будет поддержка. Мы жили в Британской Индии и знаем, что почем. Мы не хотим туда возвращаться.

Все понятно. Разборка между своими и «понаехавшими».

– Я вас понял, уважаемый. Вы один так думаете?

– Так думают многие. Например, Мохаммад Хан Африди думает точно так же, я говорил с ним не далее чем вчера вечером...

– И что вы хотите за свою поддержку? – прямо спросил фельдмаршал.

Лицо шейха выразило неодобрение столь прямо заданным вопросом, но на словах он не возмутился.

– Видите ли, уважаемый наместник... – сказал он, – мы знаем о том, что многие наши братья – братья нам только на словах. На деле же они говорили о том, что делают все для возвращения исконных афганских территорий, а как только милостью Аллаха пуштунский народ вновь стал единым, они строят козни против нас и считают, что мы какие-то «ненастоящие» пуштуны. Да, да... так и говорят.

Фельдмаршал знал – так говорили и на самом деле. Говорили и о том, что все пуштуны из «племенной зоны» продались англичанам... конечно, так говорили, чтобы русские так и думали. Восток очень лукав...

– Да, я слышал.

– Мы не раз слышали про демократию, уважаемый, но здесь она невозможна, вы должны это понимать. Если одно из племен возьмет верх над остальными, остальным придется очень и очень плохо...

– Конкретнее, уважаемый...

– Мы предлагаем создать некий... племенной Совет. Постоянный. Двадцать... наверное, столько человек хватит, чтобы управлять Афганистаном.

Фельдмаршал Апраксин едва не рассмеялся в лицо шейху. Военный человек, он много чего знал об управлении и знал, что даже двое управлять не могут. А тут... двадцать человек, причем такие двадцать человек, которые ненавидят друг друга, говорят друг о друге гадости... О каком управлении тут может идти речь?

– Об этом не может быть и речи. Двадцать человек никогда не договорятся между собой, вы и сами это понимаете.

Шейх кивнул, но было видно, что он недоволен. Очевидно, он рассчитывал на место в таком совете, что сильно подняло бы его статус и самоуважение. Здесь об этом думают в первую очередь – не о том, кто ты есть на самом деле, а о том, как ты выглядишь в глазах других людей. Здесь от общественного мнения все зависит больше, чем в цивилизованном мире.

– Впрочем... – Апраксин перестроился на ходу, – я здесь человек чужой. Я не могу управлять чем-то, не зная ничего. Я не могу управлять Афганистаном, не зная его истории, его людей, его особенностей. Полагаю, группа советников из местных, авторитетных и уважаемых людей мне потребуется...

– Это слова очень мудрого и предусмотрительного человека, эфенди...

Про себя Апраксин решил, что предложение, вопреки первому впечатлению, не так и плохо. Если взять наиболее авторитетных лидеров племен, от которых, по данным разведки, и может идти буза, привезти в Кабул, посадить в Арке и назвать это как-нибудь красиво типа «Комиссия по примирению многонационального Афганистана», то шейхи оторвутся от своих

племен и не будут мутить воду – раз, и направят всю свою энергию на склоки и грызню друг с другом – два. Потом можно будет собрать что-то вроде межплеменного суда, подключить туда авторитетных богословов, не таких, как этот... любитель маленьких мальчиков со степенью в фикхе. Пусть чем-то занимаются дельным. Или делают вид, что занимаются дельным. Еще попросить, пусть пришлют настоящих богословов, из Мекки, из Казани, авторитетных кади...

Опытный офицер, фельдмаршал Апраксин знал, что в армии ничем не занятый солдат – все равно что преступник и все ЧП происходят, когда офицеры манкируют работой в части и ничем не заняли солдат. Бегать до потери сознания, автомат разбирать-собирать, маскироваться на местности... Хоть плац мести! Так и тут.

– Полагаю, что такое решение будет принято в самое ближайшее время, уважаемый шейх. Подумываю я и над тем, чтобы создать примирительную комиссию, включив в нее наиболее авторитетных шейхов и богословов для разрешения споров между племенами. Право же, в Афганистане пролилось слишком много крови за последние годы, и будет харам, если сейчас, когда пуштуны обрели свободу, они начнут сводить меж собой счеты, сами убивая друг друга вместо англизивов...

– Сам Аллах наставил вас на этот путь, эфенди... – воскликнул шейх, – но я хотел бы сказать пару слов о составе правительства...

Обмануть опытного интригана было не так-то просто. Он прекрасно понимал, где будет реальная власть и, что еще более важно – реальные деньги...

– Я слушаю вас... – Фельдмаршал демонстративно глянул на часы.

– Мы понимаем, что пост первого министра правительства мы не потянем. Но пост министра природных ресурсов...

Ага, уже воровать примерились. Орлы! Только не те, которые высоко летают, а те, которые сверху – и прямо на голову...

– У вас есть конкретная кандидатура на этот пост?

– Найдем! – горячо сказал шейх. – У нас есть грамотные, вы не думайте! Даже университет закончили!

Достижение. Скорее всего – исламский университет, англичане крайне не любили, когда пуштуны из племен заканчивали какой бы то ни было университет, кроме университетов богословия. Богословие было специфическим – с отчетливым привкусом деобандизма.

– Уважаемый, говорят, что халва сладка, только когда она у тебя во рту. Приведите ко мне ваших людей, и я подумаю, какую работу им дать на благо Афганистана.

Про себя Апраксин подумал, что надо сказать пару слов об этом в конце подготовленного выступления. Все равно рано или поздно придется передавать власть афганцам, и будет лучше, если это будут люди молодые, проверенные, уже поработавшие с русскими, современные, а не конгломерат царьков.

– И еще, эфенди...

Апраксин высказал уже откровенное нетерпение:

– Только один вопрос, он волнует всех собравшихся в не меньшей степени, чем меня. Вы уже относительно давно пришли на нашу землю, но вы так и не собрали нас и не сказали, сколько мы должны платить...

– Сударь, на данный момент мне не поступало подобных указаний.

– Но... вы же должны собирать подать... чтобы платить Белому Царю, разве не так? И вы сами так же должны получать положенное...

Генерал решительно сделал знак охране, что разговор закончен и надо идти в зал.

– Сударь, я полагаю невозможным брать взятки, это противно чести русского офицера. Что же касается Белого Царя, то и он, полагаю, не считает возможным брать деньги с пуштунов, пока здесь дети умирают от голода...

Фельдмаршал Апраксин совершал сейчас ошибку. И большую ошибку. Он-то думал, что этот жест будет оценен по достоинству, но нет... наоборот, этот жест должен был вызвать у всех присутствующих испуг и гнев, причины которого были бы понятны только тем, кто долго жил в Афганистане. Здесь каждый должен платить... феодалу за право пользования землей, главе племени и рода, местному мулле платить закят. Иностранцы купцы должны были платить джизью. Обирать нищих, едва сводящих концы с концами людей, и не вызывать ненависти можно было только одним способом – говорить, что эти деньги идут англичанам, англичанам, и королю. Тогда гнев народа переключался на англичан и Короля, и это устраивало всех. Англичан и Короля в том числе – ведь они брали деньги, и немалые, и для них было бы проще собирать их с нескольких сотен богатых и влиятельных человек, чем с нищей и озлобленной податной массы. Подати в Афганистане собирались по архаичной «откупной системе», когда феодал платил королю, а податная масса платила феодалу, и по таксе, установленной феодалом, а не королем. Сейчас каждый из тех, кто собрался на Лойя Джиргу и неожиданно узнал, что русские не намерены брать подати с Афганистана, первым делом должен был подумать, что рано или поздно об этом узнают и простые люди. Те же русские им и скажут. И тогда они сами тоже не смогут собирать с людей подати, потому что всем будет ясно – эти подати собираются не для русских, а для себя. А еще люди поймут, что они и раньше врал... И тогда десятилетиями копившийся людской гнев обрушится на них...

Не давая ничего сказать в ответ, фельдмаршал шагнул в образованный охраной проход. Среди глаз, настороженных, любопытных, откровенно не верящих, подчас и злобных, он нашел глаза своего гостя из дворца и подмигнул, давая понять, что надо переговорить перед выступлением, пусть даже коротко, пусть даже обменяться парой записок. Гость кивнул, зал уже открылся, двери открылись, и людской поток постепенно втягивался в зал, где каждому было отведено место, заботливо выделенное племенным флагом или символом, – некоторые даже читать толком не умели. Генерал был уже у самых дверей, окруженный охраной, когда инстинкт старого, травленого волка вдруг подсказал ему – беги! Просто так, без колебаний и сомнений – беги. Но сделать генерал ничего не успел.

Потому что все взорвалось...

Со стороны это выглядело потрясающе...

Они нашли подходящее место, и Иосиф залез на крышу, включив зум камеры на максимум для того, чтобы снимать. Здание Министерства внутренних дел бывшего королевского режима высилось над местной застройкой угрюмым айсбергом, над ним реяли флаги – вместо флага Королевства Афганистан флаги племен, часто сделанные впопыхах и кое-как... в одном случае на флагшток вместо флага приспособили... ковер соответствующей расцветки. Из всех флагов выделялось тяжелое, черно-желто-белое полотнище Империи, около здания было не протолкнуться от машин и вооруженных людей... а потом раздалось что-то вроде хлопка, и между седьмым и восьмым этажами сразу в нескольких местах прямо из стены вырвались целые клубы дыма и пыли... потом то же самое произошло между пятым и шестым, между третьим и четвертым, между первым и вторым... все это происходило в считанные секунды, никто даже не успевал понять, что к чему. Здание, величественный бетонный утес, стояло еще несколько секунд... может, и меньше... а потом вдруг стало оседать, все разом, ровно, в облаках дыма и пыли, превращаясь в груды бетонных развалин...

– Каскадный направленный взрыв... – произнес шофер такси, – уходим отсюда...

– Минуту...

Иосиф снимал дальше. Тех, кто был ближе всего к зданию – их просто засыпало бетонным ливнем... место катастрофы полностью скрылось под облаком тяжелой цементной пыли. Машины... все накрыло этим облаком, не было видно ничего. Разом взвыли сигнализации везде в округе... среагировали на взрыв.

– Поехали... – еще раз сказал водитель.

Взрывчатка была заложена в конструкцию здания еще британскими инженерами-проектировщиками. Британцы никогда и ничего не оставляли на волю случая и были мастерами таких вот грязных случаев и фокусов. Оставался только один вопрос – как русские, принимая здание и готовя его к Лойя Джирге, не заметили неладного. Ведь среди них были опытные саперы со всей необходимой техникой, включая даже компактные рентгеновские аппараты.

А вот... как-то не заметили.

– Направо... – сказал Иосиф, – в аэропорт. Мы выполняем свои обязательства...

– Это хорошо... – проворчал водитель, – никогда раньше не имел дела с русскими...

Водитель на самом деле был индусом, хотя умело работал по России и прикидывался выходцем из Грузии, небольшого места в причерноморском регионе, маленькой горной страны, покоренной русскими в ходе Большой игры. Британцы широко использовали индусов на Ближнем Востоке и в Африке – благо индусы, общины индусов занимают неплохие позиции в торговле и банковском деле в регионе. Общераспространенное мнение, что все индусы чувствуют себя угнетенными и только и ждут, чтобы избавиться от британского угнетения, действительности не соответствовало – были и те, кто сознательно сотрудничал с англичанами и связывал будущее Индии только с Великобританией.

Машина поехала к аэропорту, мимо квартала, где находились посольства и представительства некоторых гуманитарных организаций. Где-то поспешно закрывали ворота, где-то, наоборот, высыпали все на улицу, чтобы смотреть, но даже отсюда было понятно, что произошло что-то невероятное...

На полпути они пропустили несколько огромных, красно-белых машин, на большой скорости несущихся со стороны аэропорта. Это были пожарные машины спасательной службы аэропорта, огромные четырехколесные монстры, способные за две минуты доставить к месту падения самолета десять тонн воды и пару тонн огнегасящей смеси. Очевидно, кто-то подумал, что в городе пожар, наверняка из панических сообщений ничего нельзя было понять, и отправил самую лучшую пожарную команду, какая только была в Кабуле, – аэропортовскую, которую укомплектовали и тренировали сами британцы. Толку от этого будет – как от козла молока...

Они проскочили линию укреплений, которая принадлежала англичанам, а теперь тут стояли русские. Казаки были в повышенной боевой, но в аэропорт пускали...

Здесь дорога разом стала лучше...

– Скажи мне, русский... – машина приближалась к аэропорту, водителя такси пробрало поговорить, – только честно...

– Ну... честность понятие относительное.

– И все же. Я понимаю, для чего это делаем мы. Но вам-то зачем? Здесь же теперь террористическая война начнется...

Иосиф цинично усмехнулся.

– Так это же хорошо.

– Хорошо?!

– Если не будет террористов, кого же мы будем ловить, друг мой...

Водитель промолчал. До подобного понимания ситуации он еще не... дотумкал, как говорится. Да, у них тоже боролись с терроризмом... но чтобы провоцировать терроризм, чтобы с ним потом бороться...

Машина проехала под бетонным козырьком одноэтажного, примитивной архитектуры здания гражданского терминала аэропорта Кабул-международный, ушла на стоянку. Свободных мест было много – половина от имеющихся, если не больше...

– Переодевайтесь... – Иосиф теперь приказывал.

Водитель такси быстро переоделся, запасной комплект одежды был у него в багажнике. Теперь он был похож на обычного туриста... точнее, даже не туриста, а человека, отправленного по делам в командировку, командированного. Гражданские, грубые и прочные ботинки на шнуровке, брюки, рубашка, ремень. Небольшая сумка, какую используют спортсмены для переноски сменной одежды, заранее подобранная.

Иосиф вручил водителю небольшой пакет.

– Документы на имя Левона Григоряна, армянина, но уроженца Тифлиса. Деньги, как договорились, билет до Бомбея. Отметка о въезде поставлена, с таможеней уже договорились, пройдет как по маслу. Мир тебе.

– И тебе мир, друг мой...

Водитель заторопился к зданию аэропорта, чтобы успеть на рейс.

Иосиф, усмехнулся ему в спину, затем достал телефон, СИМ-карту к которому он купил вчера на базаре, набрал номер.

– Салам алейкум.

– Ва алейкум... – раздалось в трубке.

– Наш друг выполнил свою работу. И улетает...

– Так воздай ему должным...

– Вас понял...

Иосиф прервал звонок, вытащил из телефона СИМ-карту и сломал ее пополам. Затем устроился у машины, следить за взлетающими самолетами. Гражданских самолетов было мало, Кабул не был сильно загруженным аэропортом. Облегчало задачу и то, что теперь все авиакомпании делали самолеты рекламными носителями и раскрашивали их в яркие, оригинальные расцветки. Ошибиться было невозможно...

Когда в поле зрения показался красно-белый двухмоторный «Аргонавт» – рейс до Бомбея, – Иосиф нажал кнопку на небольшом, похожем на сотовый телефон устройстве. Несколько секунд самолет летел, как и до этого, тяжело поднимаясь над горами... но потом его полет стал все более неуправляемым... он начал проваливаться вперед и вправо на крыло... и шансов никаких не было, ибо отказ даже одного двигателя при взлете перегруженного самолета в горах на большой высоте смертелен. А если этому споспешествует и сбой в системе управления самолетом...

На следующий день отснятое в Кабуле видео появилось в Интернете – ответственность за теракт взяла на себя террористическая группировка: «Единобожие и джихад». Так начиналась трагедия...

Сколько вспоминаю те дни... все кажется каким-то неправильным, начиная с этих дней и по сей день. Кажется, что именно тогда мы что-то упустили, что-то недоделали, что-то не сделали как надо. Тогда Господь дал нам шанс все повернуть, и мы его упустили, бездарно и глупо.

Охота на человека, на человека опытного, грамотного, пользующегося поддержкой, напоминает поиски иголки в стоге сена. Это не так сложно, как кажется – нужно просто поджечь стог. Что и произошло в Ватикане в две тысячи четырнадцатом, хоть и не по нашей вине. С той поры потерявший надежнейшее из надежнейших укрытий генерал Тимур был обречен, хотя и сражался, как полагается воину, – до конца.

В этом году были ликвидированы два опаснейших врага всего человечества – бывший начальник шахской разведки САВАК, а теперь террорист номер один генерал Абубакар Тимур и один из богатейших людей мира, некоронованный король Латинской Америки Мануэль Альварардо. Тогда казалось, что в долгой, чрезвычайно долгой, затянувшейся войне наконец-то наступил перелом. До сих пор не понимаю, что же мы тогда сделали не так.

11 апреля 2016 года Крым, Россия

А так все идет...

Скучно в Москве и дождливо в Крыму...

И все хорошо...

Сплин

Двое не спят

В Крыму и в самом деле было дождливо. Веселый, почти летний дождь с крупными, тяжелыми, теплыми каплями ударил с утра, заставляя крымчан спешно искать себе укрытий. Почему-то вспомнилось, что точно такой же дождь шел много лет назад... мы тогда были в Ливадии, царском дворце. Было что-то вроде завтрака на природе, все побежали прятаться в дом... а мы с Ксенией не добежали. Можно сказать, что не успели...

Вспомнилось совершенно не к добру...

Я закрыл ноутбук, на котором неспешно набирал кое-какие заметки. Заметки о некоторых событиях, имевших место в прошлом, и одному Господу известно, как они отразятся в будущем. У нас есть замечательная традиция... подобные записки засекречивают на девяносто девять лет. Сейчас многие военные историки с трепетом ждали рассекречивания архивов времен мировой войны... теперь уже Первой мировой войны. Одному Господу известно, узнаем ли мы когда-нибудь всю правду о Второй...

Но что касается меня – я сделаю для этого все. Пусть даже с отсрочкой в девяносто девять лет...

Ноутбук я спрятал в сейф. Мрачно посмотрел на кальян в углу... старый, дедов. Говорят, что кальян не так вреден, как обычный сигаретный, трубочный или сигарный дым. Сам дед в молодости старался походить на старого морского волка с трубкой – есть фотографии, тому свидетельствующие. Меня от курения он отвадил очень просто – сказал, что в подводно-диверсионные части курящих не принимают, нужны абсолютно здоровые легкие. Но сейчас... я просто уже не знаю, что делать.

Все прожекты с реформированием Первого отдела СЕИВК и борьбой с теми, кто предпочитает корабельному сурику венецианскую штукатурку, погибли, не успев воплотиться в жизнь. Потому что моего старого друга, с которым мы вместе играли на ливадийском пляже, убил террорист-смертник, активировавший взрывное устройство после паники, вызванной выстрелами Серебрянского, ублюдка с крепким коктейлем из Маркса, Бакунина и Троцкого в голове.

После присяги я просто взял отпуск. Он мне полагался, потому что за все время службы я брал отпуск два или три раза, хотя мне полагался «большой» отпуск, как и всякому, чья служба связана с повышенными психологическими нагрузками и стрессом. До сих пор я числился на действительной службе – меня отозвали из отставки, чтобы уничтожить генерала Абубакара Тимура. Генерал был мертв, но лучше от этого не стало...

Почему я не участвовал в расследовании теракта? Господа, вы шутите? Это только в книгах так бывает. В таких делах нельзя допускать личного, а для меня это очень личное. Есть огромная, разветвленная служба, ведущая оперативную работу в Империи, – Министерство внутренних дел. Десятки тысяч доверенных лиц, миллионы осведомителей, сотни тысяч оперативников. Что могу против них я – один человек, для которого это глубоко личное.

Не стал я искать и придворных должностей. Потому что ситуация и так неоднозначная – регентства в нашей истории не было четверть тысячелетия, да и Павел – если и не взрослый,

то уж подросток точно. С Ксенией... свои проблемы, еще не хватало обвинений в семейственности.

Господи...

Сам рассмеялся. Ну, какая семейственность? Какая ко всем чертям семейственность. Это газетчики могли раздуть истерию, если бы они знали, может быть, и посочувствовали бы мне. Чисто по-человечески. По-мужски. Семейей я так и не обзавелся, несмотря на то что прожил почти полсотни лет в этом мире. Как-то не получилось. Знаете, как говорится... возможно, дело не в кулаке, а в физиономии. Вот так и у меня. Семейная жизнь как-то не получается... совсем. Вероятно, примета нашего поколения. Женщины не готовы ждать и не готовы ничем жертвовать. Мама ждала отца отовсюду, хотя он пропадал на годы.

Или, может быть, я выбираю не тех женщин.

Вышел на балкон. Помимо нашего родового имения в центре Одессы, дома в Севастополе, в сороковые годы мы построили еще и этот дом... точнее – дворец, совсем недалеко от Ливадии. Здесь я сейчас и прятался... от всего окружающего мира...

Ого.

Я усмехнулся сам над собой. От мира не спрячешься, господа... Нет, не спрячешься...

Кавалькада машин поднималась от ворот...

– Сударыня...

Ксения оделась в черное. Брючный костюм с пиджаком, ужасающая новая мода, когда женщина старается выглядеть как мужчина, ну а мужчин заставляют выглядеть как женщина. Несмотря на свой возраст, она по-прежнему была в форме, поддерживая ее, как Екатерина Вторая, – изматывающим фитнесом и молодыми любовниками. Но мне на это плевать.

Или не плевать?

– Прошу...

– Сударь, ваша забывчивость не делает вам чести. Я не давала согласия ни на что, кроме морской прогулки...

Ксения проигнорировала мою руку и направилась по лестнице вниз. У нас в имении есть лестница, спускающаяся к самой воде, как Потемкинская, спуск очень крутой. Там внизу – ангар, а в ангаре лодка. Лодка совсем не такая, как здесь предпочитают, – тяжелая патрульная, с жестким днищем и кевларовыми баллонами. Это не способ продемонстрировать окружающему миру мою крутость – просто здесь постоянный, резкий прибой, очень опасный фарватер, и никакая другая лодка просто не выдержит. Так что скорлупки из фибергласа с палубой из дорогих пород дерева оставьте себе...

Ксению охраняли моряки – Гвардейский флотский экипаж. Урок не пошел впрок – охраны мало, хотя и больше, чем в тот злополучный, проклятый день. Черные повязки на рукавах, как и у меня на мундире. Знак потери и знак того, что зло не отмщено. О наказании в случае со смертниками речь вести бессмысленно.

Только об отмщении.

– Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство...

– И вам того же. У меня только одна лодка, вы в курсе?

– Не извольте беспокоиться. Ксения Александровна приказали не нарушать ваш тет-а-тет.

– «Сообразительный» в трехмильной зоне, Ваше Высокопревосходительство, – сказал другой моряк, показав на горизонт.

– Премного благодарен...

Кораблик и в самом деле болтался в море как раз напротив пирса. С этого расстояния он казался игрушкой...

Я спустился вниз, открыл ангар, завел моторы. Потихоньку вперед... теперь к причалу... вот так. Волнение сегодня было приемлемым, а на причале – у меня что-то вроде штормтрапа, для милых дам. Ксения протянула руку... хотя с ее фитнесом, думаю, ей не составило бы труда...

– Немного полюбезнее, топ ами... На нас смотрят...

– Сударыня, моей репутации это не повредит. Вашей тем более.

Ксения зло сверкнула глазами, но ничего не сказала...

Отойдя от причала на малом, я дал газу, разгоняясь до двадцати узлов. Присев на корму, лодка пошла от берега, оставляя белый пенный след за собой...

Эсминец, охранявший нас, приближался. На юте, на вертолетной площадке, я различил снайперов за ограждениями, с противоположного борта прятались две скоростные лодки с готовыми к действию отрядами морских пехотинцев. Я помахал им рукой, и кто-то мне ответил. Ксения, надев черные очки на пол-лица, нервно курила...

Заложив резкий, почти хулиганский вираж вокруг эсминца, я остановился меньше чем в двух кабельтовых от него. Рассчитал так, что он служил нам как бы волноломом, закрывая от волны.

– Не знал, что ты стала курить.

Ксения бросила недокуренную сигарету в море.

– Раскуришься тут...

Из сумки появилась новая пачка, но я перехватил ее и, прежде чем Ксения сумела сообщить, что происходит, выбросил в море.

– Довольно. Одну за одной – это уже слишком...

– Ты мне не муж вообще-то.

– Вот и побереги меня. Близких людей ты не бережешь...

Ксения сняла очки. Солнце бликовало на линзах оптических прицелов на эсминце. Я знал ее... если сразу дать отпор, она начинает отступать. Но она не отступит дальше, чем ты ее к этому вынудишь, и при первой возможности вернет себе позиции. Сильная женщина – синоним слов «одинокая женщина»...

– Как мне все надоело... – зло сказала она.

– Регентство?

– Оно самое. Все так и норовят сделать по-своему.

А ты чего хотела... Так вот и выглядит власть... власть женщины.

Проблема в том, что мужчина априори не может подчиняться женщине, все его существо будет протестовать против этого. Особенно – военный. Ксения – совсем неплохой вариант на троне Империи. Умная, волевая, хитрая, способная к интригам, прекрасно знающая экономику. С почти мужским складом характера. Проблема в том, что она женщина. Мужчина может подчиниться мужчине, признать его главенство – как вождя. Женщине же раз за разом придется доказывать, что она достойна быть вождем, и окончательно она никогда этого не докажет. А раз за разом кому-то что-то доказывать – утомительно.

Но она сама себе это выбрала. Хотя и без Регента тоже было нельзя.

– Что ты думаешь об обстановке в Афганистане?

– Это не такой простой вопрос.

– Господин адмирал, разве я когда-то задавала вам простые вопросы...

Ксения теперь начала кокетничать. У нее на каждую ситуацию существует свой набор ужимок и уловок, которые она применяет вполне обдуманно и хладнокровно. Она может обвинить в чем-то... для каждого у нее есть свои обвинения, она может напомнить о чем-то хорошем... если есть, о чем напоминать. Но что касается меня – со мной эти игры давно не проходили. Возможно, поэтому я до сих пор и был один... потому что со мной никакие игры

не проходили. Если человек видит свою вторую половину насквозь, жить становится просто невозможно.

– Я не служил в Афганистане и не могу ответить на этот вопрос.

– А как насчет Персии? Это же соседняя страна. И ты там очень многого добился за очень короткий срок.

– Видите ли, сударыня... сравнивать ситуацию в Персии и в Афганистане бессмысленно, потому что у них совершенно разные корни. Совершенно разная основа. В Персии мне удалось добиться ощутимых результатов за короткое время потому, что в этой стране люди привыкли жить в государстве. Государство, которое построил для своих подданных шахиншах Мохаммед, было не таким уж и плохим. Там производилось больше киловатт в час энергии на душу населения, чем где-либо в мире. Бензин стоил примерно в три раза дешевле, чем в нашей стране. Хлеб стоил дешевле вдвое... собственно говоря, это и стало одной из причин восстания крестьянства, они не могли конкурировать с дешевым, завозимым продовольствием, а шахиншаху было плевать на то, что думают феллахи, он на них не опирался. В стране работали заводы, порты, добывались полезные ископаемые. В городах в каждой семье был автомобиль. Практически не было уличной преступности... это неправда, что жестокость наказания не позволяет предотвратить преступление, неправда, по крайней мере для Востока. А то, что в стране пропадали люди, что каждый полицейский чиновник был маленьким шахиншахом, творившим беспредел от лица государства... что же, на Востоке жили и при худшем беспределе. Несколько столетий назад монголы стерли Багдад, тогда один из крупнейших городов мира, с лица земли, перебили всех его жителей. Когда мы пришли... мы просто установили другое государство и другие правила игры. Был шахиншах Мохаммед – стал шахиншах Николай. Если раньше полицейские могли схватить и убить тебя по подозрению в сопротивлении режиму, то сейчас – за исламский экстремизм. Мы установили новые правила игры и объявили о них людям. У нас появились сторонники, которые увидели, что мы искренни в своих попытках установить более справедливое правление, прекратить творившееся беззаконие, восстановить страну и дать персам место в нашей большой семье. У нас были противники, ты прекрасно знаешь, откуда они взялись и кто их финансировал. Но большая часть населения изначально не была ни за нас, ни против нас. Они смотрели и выбирали. Уже с первого месяца-двух мы сделали несколько правильных шагов, и люди стали воспринимать нас как новую власть, а не как безбожников и оккупантов. Мы построили новое государство – и люди согласились с этим.

Ксения нервно повела плечами, смотря на охранявший наш покой эсминец с Андреевским флагом.

– А в Афганистане разве не так? Там тоже был... король, пока у нас не хватило ума его убить. Господи... все больше убеждаюсь в том, что Николай был закоренелым идеалистом. Дай Господь, Павел не унаследует это...

С вами... С вами это исключено, сударыня. И я даже не знаю, хорошо это или плохо.

– В Афганистане все совсем не так. В отличие от шахиншаха Мохаммеда, афганский король даже не думал делать что-то для страны. Даже не думал устанавливать какие-то законы и требовать их жесткого выполнения. В сущности, его власть ограничивалась лишь несколькими провинциями, по странному стечению обстоятельств теми, где удобно выращивать опиумный мак, и лишь несколькими сферами жизни. Он не был королем в общепринятом смысле этого слова, он не был главой государства. Это была британская марионетка в политике и преступник международного класса во всем остальном. Он занимал престол только для того, чтобы его не заняли другие, англичане сохраняли его у власти только для того, чтобы создать зону хаоса и заблокировать ею наш путь в Индию. Как минимум две трети территории Афганистана ему не подчинялось, там не было никакого государства, государственность там не выходила за пределы институтов родоплеменного строя. Британская армия вела постоянные контртеррористические операции, волей-неволей обучая афганцев противостоять сильному, техноло-

гически передовому противнику. Мы поставляли им оружие и инструкторов, чтобы британцы разбирались со своими проблемами, а не создавали проблемы для нас в Средней Азии. Там не было государства, понимаешь? Его никогда там не было в отличие от Персии. Теперь мы пришли и начали его строить. С нуля и в условиях жесточайшего противодействия. Таким образом, мы наступаем на хвост очень многим.

– Но разве люди не хотят жить в цивилизованных условиях? – озадаченно спросила Ксения. Вопрос ее был просто замечательным – вопрос женщины, выросшей в столице передовой технократической империи мира, относящейся к высшей аристократии, к дворянству и привыкшей пользоваться всеми плодами технологического прогресса, какие только были.

Я молча достал коммуникатор, подключил его. Все-таки шагнул прогресс, шагнул – катаемся на катере, и прямо отсюда я могу узнать, что творится прямо сейчас на другом конце света...

– Что ты делаешь?

– Хочу показать тебе кое-что. Ты сразу многое поймешь.

Я зашел в хранилище снимков, британское. Файлы были проиндексированы для удобства, и я быстро нашел нужный...

– Если не боишься, можешь посмотреть...

Ксения свет Александровна смело взяла коммуникатор и... чуть не выбросила его за борт.

– Боже... что за мерзость. Это что, постановочный кадр?

– Нет. Это Кабул образца две тысячи двенадцатого года.

На снимке, который в свое время меня потряс, была изображена речка Кабул. Протекающая через город. Точнее, даже не речка, а речка и прилегающая к ней территория. Дело было летом, река сильно пересохла, обнажив часть своего русла. Кто-то поил осла, женщины стирали белье и набирали воду в кувшины. Судя по зданиям на заднем фоне, снимок был сделан в городской черте Кабула. Тут же на корточках сидел бородач в чалме и, простите... справлял свои естественные потребности. Прямо на виду у всех и никого не стеснясь.

– Сумасшествие...

– Нет, сударыня. Они так живут. Понимаете, если вас с детства не приучили посещать ретираду, а справлять свои потребности, где придется и на виду у всех, то потом приучить взрослого человека со своими устоявшимися привычками к ретираде непросто. Прежде всего, эту ретираду надобно построить, затратив для этого время и ресурсы. Подвести к ней воду, трубу и положить туалетную бумагу и освежитель воздуха. Затем каждый раз, как только возникает потребность, идти к этой ретираде. Не проще ли просто снять штаны и сесть, где придется?

Ксения помолчала, уясняя в голове ситуацию. Мне в свое время также было непросто понять это. Я это понял, но не принял. Просто правильное понимание ситуации – это тоже своего рода оружие, ничего нельзя изменить, если не понимаешь, что вообще происходит.

– Это... сложно принять.

– А это и не нужно принимать, Ксень. Но понимать – нужно. Мы идем по тяжелому, очень тяжелому пути. Пути, изобилующему кознями и неприятностями. Нас никто не похлопает по плечу, зато найдется немало желающих всадить нож в спину, как только мы отвернемся. Или выстрелить нам в лицо, как только мы на миг потеряем бдительность. Но наши предки, наши деды и прадеды прошли по этому пути, не жалуясь, не считая своих ран, не жалея ни себя, ни других. Вправе ли мы быть слабее их?

Ксения раздраженно фыркнула:

– Мужчины... Вам обязательно нужно быть такими правильными, да? Иногда мне кажется, что вы не понимаете, что говорите. Не осознаете последствий. Не считаете цену.

– Наш мир построен жесткими и правильными мужчинами. На них же он и держится, нравится это кому-то или нет.

– Возможно, и построен. Но не держится...

– Это не так...

Ксения моментально сменила тему.

– Ты начал писать мемуары? Не рановато ли, господин адмирал?

В этот момент лодку шатнуло на внезапно накатившей волне, начало разворачивать бортом, и я схватился за штурвал, кляня себя за неосмотрительность. Военный моряк, называется... так и перевернуться можно.

Узнала все-таки... болтунов полон дом. Даже злиться не стал – ничего другого и ожидать нельзя. Ксения из тех дам, которые упорно будут рыться в телефоне супруга, перечитывать все СМС, ища малейшие признаки измены, но в то же время жутко возмутятся, если вторая половина захочет ознакомиться с содержимым телефона супруга. Ксения не плохая, просто ее надо принимать такой, какая она есть – женщина с мужским характером, достойной Макиавелли хитростью и одержимая навязчивым желанием все и вся контролировать. Она родилась не мужчиной и теперь ненавидит за это мужчин.

– Сударыня, какое отношение это имеет к текущим делам?

– Мемуары обычно пишут те, кому больше ничего не остается делать. Вы готовы, сударь, выполнить поручение своей почти что Императрицы?

– Какое именно, сударыня?

– Ни армия, ни флот не справились с ситуацией в Афганистане, – заговорила Ксения с твердостью в голосе, которая, как я хорошо знал, скрывала смятение. – Павел еще совсем ребенок, он мыслит категориями дурацкого рыцарства. Я хочу разобраться с ситуацией в Афганистане до прекращения моего регентства.

– Разобраться, сударыня?

– Вывести войска. Мы зря туда вошли, и эту ошибку надо исправить. Афганистан ничего не принес нам, кроме крови и слез.

– Как насчет одной малоизвестной традиции, что, если где русский флаг поднялся, он уже не может быть спущен?

Ксения улыбнулась – я знал ее досконально, и эта улыбка значила, что она разозлилась, и довольно сильно...

– Я думала, что ты умнее военных, – ледяным тоном начала она, – думала, что ты перерос армию и уже можешь стать политиком. С большими перспективами в монархическом блоке. Которые ты неосмотрительно отверг.

– Покорно благодарю, сударыня, но я служил на флоте.

– Нет, ты так и не понял, и не время для ерничества. Все больше и больше убеждаюсь, что с афганской эпопеей пора заканчивать. Николай сделал слишком много уступок армии, и теперь получается, что военные потребности определяют государственную жизнь, а не наоборот. Армия же, если рассматривать ее объективно, – это как детский сад, только автоматы настоящие.

– Армия и флот – последнее, что отделяет нас от врагов, желающих нас уничтожить. Спецслужбы – последнее, что отделяет нас от террористической вакханалии. Ругая военных, мы слишком часто забываем об этом.

– Оставим это. Итак?

– Сударыня, я как дворянин не могу отказаться выполнить поручение Престола.

Ксения раздраженно встала с сиденья лодки.

– Я знаю, как выполняются распоряжения из-под палки. Так, что лучше бы и не выполнялись. Хорошо, раскрою тебе суть замысла. Ваша ошибка, господа последние защитники России, в том, что вы мыслите категориями прошлого века. В вашем понимании захват какой-то

земли может происходить исключительно военными методами и заканчивается с поднятием флага над столицей. Но это не так: вы не хотите понять, почему вы вешаете флаг, но тут же кто-то пытается сбить его взрывом или пулей. Настали новые времена, и теперь мы будем действовать по-другому. Осел, груженный золотом, возьмет крепость, которую не возьмет никакая армия. В двадцатые годы мы закрылись от всего мира торговыми пошлинами исключительно потому, что были слабы и нам надо было собраться. Теперь мы сильны, и пора выходить на мировую арену. Англия больше нам не конкурент, Америка – тоже. И той и другой, даже если они предпримут все возможные меры, чтобы собраться, потребуется не меньше двадцати лет только для восстановления. За это время мы уйдем вперед. Москва станет финансовым центром мира. Мы сделаем рубль единственной валютой, которую принимают по всей Земле в любых расчетах. Мы станем последним и окончательным судьей во всех международных спорах. Наши товары будут покупать повсюду. Мы будем скупать патенты, компании, людей – они будут работать, но уже под нашим контролем. Британия так и останется тем, чем должна оставаться – маленьким островком со скверной погодой и населенным мерзкими и злонамеренными людьми. САСШ будет поделены на две части – Север и Юг, и мы будем сотрудничать и с теми и с другими. Священная Римская империя попробует противостоять нам, но у них не хватит сил ни в военном отношении, ни в экономическом. У них нет столько природных ресурсов, сколько у нас, Европейский континент раздирают противоречия. Мы же уже давно едины. За ними останется Европа, часть Африки – и только, мы не будем претендовать на их землю, но заберем все остальное. Наша сила – не в ракетах и авианосцах, не в армии, а в нашей промышленности, готовой выпускать все, что нужно, и по доступной цене, в наших людях, настойчивых, предприимчивых и изобретательных, в нашей валюте, которая обеспечена на сто процентов, а наш внешнеторговый баланс на сегодняшний день – второй после Священной Римской империи, что мы быстро исправим. Но, для того чтобы все это сбылось, чтобы Россия действительно заняла то место, которое ей полагается занимать по праву, нужно прекратить воевать. Никто не будет вкладывать деньги в страну, которая воюет, никто не будет приезжать в страну, где его могут убить фанатики и террористы просто за то, что он идет по улице. Теперь ты понимаешь, как важно мне быстро и надежно замирить Восток? Или все еще нет?

– Самый быстрый способ закончить войну – это потерпеть в ней поражение... – мрачно процитировал я кого-то из классиков.

– А самый умный – превратить поражение в победу, – моментально отразила удар Ксения, – господи, да открой глаза. Не уподобляйся Павлу и Николаю! Мы проигрываем Афганистан, нам там просто нечего делать. Никогда не было так, чтобы афганцы, пуштуны, ненавидели нас, русских людей. Всегда мы были для них заступниками против злой воли англичан. Черт возьми, мы кормили их, когда они подышали от голода во время английской блокады! Мы поставляли им оружие, самое современное оружие, когда они выходили против англичан с ружьями тысяча восемьсот лохматого года. Мы с мясом вырвали у англичан то, что в тысяча восемьсот девяносто четвертом году прихалал Дюранд – никто из племенных вождей даже мечтать не мог о том, что мы сделали за один день наступления. Мы взяли Карачи и Гвадар – два крупнейших глубоководных порта региона, и теперь у афганцев появилась возможность нормально снабжать свою страну и вывозить полезные ископаемые! Все это сделали для них мы – так скажи мне, почему в прошлом году в этой стране погибло сто восемьдесят шесть наших солдат?

Я бы мог ответить, но не стал.

– Теперь ты оправдал мои ожидания. Девять из десяти идиотов с орлами на погонах начали бы мне доказывать, почему все происходит именно так, а не иначе. Почему на индийской территории – две сотни лагерей, в которых готовят террористов против нас. Почему нам изменяют даже вернейшие из племен. Почему племенные вожди ведут двойную игру. Почему на половине территории страны наша власть ограничена светлым временем суток. Почему уби-

вают врачей и учителей. Почему за все доброе нам платят пулей в лицо. Но я не хочу слушать никакие оправдания, понимаешь, даже если они и заслуживают внимания. Окно возможностей, которое открыто для нас, – оно будет открыто для нас еще лет пять, и то в лучшем случае. Немцы недаром затеяли возню с ЭКЮ и международным учетным банком во Франкфурте-на-Майне. Пока у нас лучше стартовые позиции, но это пока. Времени нет, и я намерена пожертвовать малым, чтобы отыграть потом все. Мне нужно, чтобы ситуация в Афганистане изменилась.

– Я изменю ее, – сказал я.

– Что за глупости... Ты только что доказывал мне, что изменить ее невозможно!

– Я никогда не говорил этого. Если перед тобой препятствие, ты просто убираешь его с дороги и идешь дальше. Другого выхода нет. Изначально в Персии была куда худшая волна терроризма, там нам противостояли миллионы разъяренных фанатиков. Террористический интернационал.

– Это несерьезно, – устало сказала Ксения.

– Seriously.

Ксения смотрела на меня, а я на нее. Она знала, что значат такие обещания.

– Времени очень мало. Мы не можем позволить себе долгую войну. Больше – не можем.

– Это не займет много времени.

– И что тебе для этого нужно? Еще одна полевая армия?

– Нет. Это все ерунда, чем больше там военных, тем больше целей. Только и всего.

– Деньги?

– В разумных пределах. Ничего экстраординарного.

– Тогда что?

– Информация. Любая, какая есть. Возможность привлекать людей.

– И все?

– Почти. Надо создать группу. Ориентированную только на Афганистан. Точнее – на лидеров бандподполья. Многие слишком зажились на этом свете. Они посылают шахидов на нашу территорию, но никто не думает о том, что им предложат попробовать свое же собственное лекарство.

– Это разумно. И все?

– Нет. Дипломатическое прикрытие. Серьезное. На случай, если Британии не понравится, что ее планы летят в тартарары.

– Надеюсь, ты не собираешься устраивать Третью мировую?

– Я тоже надеюсь, что обойдется.

И я и Ксения знали, что говорим серьезно. Под внешне несерьезным тоном разговора обсуждались страшные вещи.

– Вот что, господин адмирал... – Ксения приняла решение, она всегда это делала быстро, ничего на потом не откладывая. – Я не верю в то, что получится, но не смею оскорблять вас и все дворянство России недоверием и пренебрежением. Полагаю, я поступлю вот как: вам будут предоставлены любые разумные ресурсы по запросу. И дипломатическая помощь в требуемом объеме... до тех пор, пока это и в самом деле не начнет превращаться в Третью мировую войну. И я даю вам ровно один год, чтобы что-то сделать. Если через год ситуация не изменится, я приму решение. И если ситуация изменится, я тоже приму решение, но уже другое. Это все.

– Нижайше прошу прощения, Ваше Высочество, – я нарочно титуловал Ксению полагающимся ей титулом, а не так как все придворные шаркуны, – полагаю, есть еще одно.

– Что именно? – снова начала злиться Ксения.

– План стабилизации, Ваше Высочество. Действующий. Подготовленный с вашим участием. Изложенные там соображения мне немало помогли бы... пусть и ошибочные.

– Ошибочные?

– Сударыня, вас можно назвать прямым наследником достопочтимого синьора Макиавелли. Как я могу отвергнуть ваши мысли...

Ксения вздохнула.

– С годами ваши комплименты все изысканнее, князь. Но если вас интересует мое мнение, то оно заключается в следующем. Афганцев нужно оставить в покое. Сейчас дружественные нам племена попали в очень интересную ситуацию. Они понимают, что рано или поздно мы уйдем и им придется воевать, а поэтому они саботируют все наши попытки привлечь их к боевым действиям, отсиживаются в стороне и копят силы. А мы вынуждены воевать на переднем крае. Если мы уйдем, но уйдем умно, то произойдет вот что. Дружественным племенам потребуется наша помощь, но она будет предоставляться уже на наших условиях. Возможность вызвать авиацию или ракетный удар – дорогого стоит, но при этом никто из наших солдат не будет гибнуть. Второе – сейчас всем, в том числе и самим племенам, понятно: британцы не попытаются ни вернуть Карачи и Белуджистан, ни отнять заново племенные территории, ни нанести удар возмездия по Кабулу, потому что в этом случае им придется иметь дело с нами. А мы показали свою силу. Если же мы уйдем из Афганистана, пуштунским племенам придется объединяться против общего, грозного для них врага, векового врага их народа – англичан. И тех, кого они собрали на той стороне границы. Сейчас наше присутствие приводит к тому, что под нашим прикрытием они выясняют отношения друг с другом. Когда нас не будет, они будут вынуждены защищать свою землю, как бы они друг друга ни ненавидели.

– И что же будет потом? Сильно сомневаюсь, что они способны выбрать себе власть. Каждый король станет другом своему племени и врагом всем остальным, они там так живут.

Глаза Ксении окончательно заледенели. Она это может – я мало видел людей, которые могут «сделать в глазах февраль». А она могла.

– Ты знаешь, что такое крысиный король? Когда на корабле слишком много крыс, матросы ловят десяток и сажают в закрытую бочку. Когда крысы понимают, что им не вырваться и кормить их тоже никто не собирается, они начинают пожирать друг друга. И рано или поздно остается только одна крыса, которая для других крыс страшнее любой кошки. Вот и я хочу... даже сейчас хочу – сделать нечто подобное. В Афганистане слишком много крыс, мон шер ами. Я думаю, настало самое время сделать эксперимент с крысиным королем. Рано или поздно мы получим кого-то вроде шахиншаха Мухаммеда Хосейни. Принято ругать его, но, думаю, он сделал одно большое дело. До него персы мало отличались от афганцев, вы многое сказали про Персию, но этого не сказали. Шахиншах цивилизовал персов. И вселил в них страх...

– А полезные ископаемые?

– А что полезные ископаемые? Британцы добывали их и не заходя в Афганистан. То же самое будет и сейчас. К тому же я не помню, чтобы провинция Белуджистан когда-либо в обозримой истории принадлежала Афганистану. И в будущем она Афганистану принадлежать не будет.

Да... Достойная наследница Макиавелли.

– Подвези меня до Ливадии... – сказала Ксения, – не хочу возвращаться тем же путем. И подумай над тем, что я тебе сказала...

Когда наш катер прошел мыс, мы увидели небольшую группу людей на сходнях, где стояли легкие катера. Сначала увидел я – у моряков чаще всего очень острое зрение, они всегда вглядываются в даль, чтобы не пропустить неприятеля. Потом увидела их и Ксения...

– Боже мой... – сказала она.

– Ты не ждала?

– Нет... Он же на другом берегу...

Среди рослых лейб-гвардейцев выделалась худенькая фигурка подростка. Он носил казачью шинель, набросив ее на плечи и не вдевая руки в рукава... как основатель правящей

ветви династии Михаил Александрович Романов, прекрасный кавалерист и отчаянный рубака. В последнее время я мало виделся с Павлом... но что-то подсказывало мне, что из него со временем выйдет достойный правитель, не хуже отца. Он был жестким и в то же время смысленным. Жизнь его была, и была сильно, совсем не по-императорски, но он с честью это выдержал, даже будучи подростком. Проблема была в том, что его мать, вдовствующая Императрица, и Ксения Александровна, родная тетка и регент престола, люто ненавидели друг друга и постоянно интриговали, о чем знал весь Петербург. Подростку расти в атмосфере ненависти и недостойных интриг... в том нет ничего хорошего...

Я ошвартовал лодку. Волнение усилилось, лодку било о причал. Для Ксении Александровны принялись переставлять штормтрап, я же просто прыгнул на причал. И был просто счастлив, что прыжок не отозвался уколом боли в пояснице... с этой проблемой я все-таки справился, как бы трудно это ни далось...

– Ваше Величество...

Павел почему-то не ответил.

Ксения Александровна поднялась по трапу, опираясь на руку одного из офицеров лейб-гвардии. Немного прихрамывая, подошла к нам. Я готов был поставить сотенную, что с ее ногой во время нашей поездки ничего не случилось...

– Сударыня... – сказал Павел, – я принужден напомнить вам вашу же науку. Дела государственной важности не обсуждают в будуаре.

– Ах, Ваше Величество... Мне просто пришло в голову прокатиться на катере, подышать свежим воздухом в приятной компании. Я очень благодарна адмиралу Воронцову за то, что помог мне развеяться и забыть государственные дела.

– Государственные дела не любят, чтобы о них забывали, – сказал Павел, – тем более что и у меня есть разговор к адмиралу. Сударь, извольте следовать за мной. Честь имею, сударыня...

Если описать мое состояние в этот момент – я был в полной растерянности. Да, у молодого, не достигшего еще полного совершеннолетия Государя был молодой двор, как был он у его отца в бытность его наследником. Однако молодой двор – это ни в коем случае не политическое образование. Первая задача молодого двора – ввести в свет молодых барышень из хороших семей и помочь каждой из них подобрать себе подходящую партию. Вторая – окружить наследника друзьями, с тем чтобы потом друзья стали придворными, министрами и советниками, чтобы Император знал каждого из них, знал, что от кого ждать и кому какое дело можно доверить. Но молодой двор не имеет никакого отношения к политике. Павел же, будучи несовершеннолетним, вел себя как полноправный Государь. И самое главное – Ксения ему подыграла!

Новости...

Мы поднялись по недавно построенной лестнице к свитским корпусам дворца. Павел шел быстро... за ним приходилось поспевать не только мне, вице-адмиралу русской службы, неоднократно раненному, но и лейб-гвардейцам. Наверху, на площадке, рядом с машинами, стояли солдаты лейб-гвардии Семеновского, увидев несовершеннолетнего Императора, ему отдавали честь.

Прошли к Белому дворцу. Совсем недавно ему исполнилось ровно сто лет. Сейчас – сто четыре года.

Павел собственноручно открыл тяжелую дубовую дверь, мы прошли коридорами, поднялись по лестнице и завершили свой путь на балконе. Балкон висел в воздухе, за ним был лес, вдалеке виднелось море...

– Оставьте нас, господа... – приказал он сопровождавшим его телохранителям.

Те немедленно подчинились.

– Сударь...

– Ваше Величество...

– Моя тетя... – Павел стукнул ладонью по ограждению балкона, – излишне легко относится к тому, что требует самого серьезного к себе отношения. Вот и сейчас вместо того, чтобы спросить у вас совета относительно государственных дел, она всего лишь позволила себя пригласить на морскую прогулку.

– Ваше Величество, позвольте выразить сомнения в том, что я имею право давать советы по государственным делам...

– Имеете, господин адмирал, имеете. Моему отцу было достаточно ваших советов, почему я должен ими пренебрегать?

Павел говорил совсем как взрослый. В Константинополе что-то определенно происходит... в его возрасте у него должны быть совсем другие заботы.

– Ваше Величество, я нахожусь в отставке, и...

– До этого сослужили прекрасную службу моему отцу и моему деду. Довольно слов, меня интересует Афганистан.

– Афганистан, Ваше Величество?

– Да, Афганистан. Если ты видишь, что успел закопаться, не лучше ли прекратить копать? Этой философской максимой поделился со мной Великий князь Николай, будучи проездом в родном городе.

Сын...

– Полагаю, Великий князь Николай скоро будет бывать в Санкт-Петербурге не только проездом...

– Учение, которое он проходит в Цюрихе и Франкфурте-на-Майне в будущем сослужит немалую службу Престолу. Так что не стоит торопить события. Но я не услышал ответа, господин адмирал. Вы так же считаете, что мы должны покинуть Афганистан?

– Никак нет.

– Почему?

– Потому что, если ты не идешь на войну, война придет к тебе, Ваше Величество...

Павел неверяще посмотрел на меня.

– Это самые достойные слова, которые я слышал с утра.

– Увы, Ваше Величество, если речь идет про Афганистан, слов тут недостаточно, слова – самое малое, что там потребно...

Малолетний Император, пусть будущий, но все же Император, кивнул, соглашаясь.

– Дед доверял вам.

– Да, Ваше Величество...

– Отец доверял вам.

– Мы с ним были друзьями с детства.

– В таком случае и я доверяю вам и вашему мнению. Расскажите мне, что происходит в Афганистане.

– Ваше Величество, я не был в Афганистане уже четыре года. Осмелюсь спросить: почему вас так интересует Афганистан?

– Потому что я хочу служить в Афганистане.

Вот так-так... Интересно, а Ксения знает?

– Тетя ничего не знает. И не должна знать. Это дело касается мужчин.

– Это гибельное дело, Ваше Высочество, – сказал я.

Вообще-то я должен был сказать совсем другое. И порадоваться за то, что нам на смену идет достойное поколение. Стальное поколение, поколение, готовое к борьбе. И один из его представителей готов служить своей стране, причем там, где страшнее всего. Но вместо этого – я сказал совсем другое...

– ... В каком роде войск вы собираетесь служить?

- Парашютно-десантные войска... если не возьмут в спецназ.
- Проблема, знаете, в чем, Ваше Величество? В том, что жизнь дается один раз. Ваш отец не одобрил бы ваших намерений.
- Почему?
- Потому что он был офицером. И хорошо понимал одну вещь: каждый должен быть на своем месте. Офицер не менее важен, чем солдат, без грамотного, инициативного, думающего офицера солдаты попадут в ловушку и погибнут. Если офицер будет просто подниматься впереди солдат в атаку, а не руководить боем, он просто погибнет, только и всего.
- Мелькнула мысль в голове: а сам-то ты разве по-другому поступал?*
- Да, признаю, офицер из меня как-то не получился.*
- Павел покачал головой.
- У меня нет за спиной Суворовского училища. Никто не может дать рекомендацию на поступление. Я рассчитывал на вас, сударь, как на близкого друга моего отца. Но если ваша позиция такова...
- Павел, на том свете я не хочу отвечать перед твоим отцом за это.
- Но Павел четко и раздраженно отдал честь:
- Честь имею, сударь. Не смею вас больше задерживать...

До дома я добрался на катере, там переоделся. Сделав пару звонков, выехал к себе, в городской особняк в Одессу, в смятенных и расстроженных чувствах. Настолько смятенных, что по дороге едва не врезался в ограждение, разделяющее дорогу и обрыв. Это привело меня в чувство – только вчера лично полировал свой старый «Олдсмобиль», и еще не хватало – ободрать его о заграждения на дороге. Машина редкая, с реставрацией потомхватишь лиха. Это неприятное происшествие на дороге относительно привело меня в чувство.

Дело вот в чем... как бы это правильно объяснить. Был в Российской империи такой писатель, фамилия у него была... нет, не вспомню. Отслужил в пограничной страже в не самом приветливом месте – Туркестанский военный округ, граница с Афганистаном, потом начал публиковаться, писал книги для подростков. И вроде бы хорошие книги, но дело в том, что его излюбленным сюжетом было попадание подростка, мальчишки в критическую ситуацию. И в этой критической ситуации он делал то, что подчас было не под силу и взрослому, военному, офицеру, даже прошедшему специальную подготовку. Соответственным образом он побеждал всех антигероев и добивался своей цели. Именно этих мальчишек – каюсь, прочитал пару книг по совету – напомнил мне сейчас несовершеннолетний еще Император.

Беда только в том, что в жизни так не бывает.

Проблема даже не в неравенстве сил. В жизни бывает по-всякому... в бытность мою Наместником ко мне привели озлобленного, одиннадцатилетнего больного пацана. Какой-то ублюдок дал ему самодельный двуствольный пистолет – ничего другого не было, и пояс шахида, видимо, тоже не смогли смастерить – и отправил его убивать. Этим оружием он воспользовался с предельной эффективностью – два выстрела и два трупа, казак и офицер. Таких убивали на месте... но на этого у много чего повидавших, озверевших от крови казаков просто рука не поднялась. Привели ко мне... я с самого начала довел до всех, что никто не получит взыскание, если приведет ко мне кого-то или сообщит что-то, заслуживающее, по его мнению, внимания, даже если потом это окажется полной чушью. Привели... хотели узнать имя того ублюдка, который послал этого пацана с самоделкой, чтобы нагрянуть и расквитаться. Слышали, что мне удастся расколоть самых отпетых и террористы боятся, и боятся лично меня. С этим пацаном мы проговорили несколько часов... разговор напоминал разговор глухого со слепым, в конце концов, отправил его в закрытый интернат. А что прикажете делать? Надеюсь... он жив до сих пор... интересно было бы напомнить ему сейчас его слова: волей Аллаха мы убьем всех неверных, сколько бы их ни было, и будем жить по шариату. Он и сейчас так же думает?

А если вспомнить тот случай на открытии завода? Если вдуматься – еще страшнее. Еще один пацан, вообще без оружия, все его оружие – черенок от лопаты, пластиковая бутылка и черный носок. Он прекрасно знал, как охраняют меня, он прекрасно знал, что, увидев гранатометчика, снайперы просто откроют огонь на поражение и будут разбираться потом, потому что идет война. И он умрет, даже не забрав с собой ни одного врага... умрет просто для того, чтобы в чашу наших грехов капнула еще одна капля невинной крови, и, может быть, когда-нибудь эта чаша переполнилась бы. Он был готов даже на это... во имя экстремистских идеалов, какие вбил в его голову какой-то ублюдок-исламист.

И вот туда, в этот ад, в этот бурлящий ненавистью котел отправить будущего Императора?!

А кого же еще?!

У двери, конечно же, не было ни машины, ни конвоя, положенного Регенту, но я понял, что Ксения уже здесь.

Дворецкий закрыл дверь. Выразительно показал глазами на кабинет... в который я вообще-то приказал никого не пускать в мое отсутствие. Но Ксения Александровна, конечно же, прошла туда...

Дубовая дверь кабинета затворилась за мной с едва слышным скрипом.

Так... Диван, поза умирающего лебедя, небрежно отброшенная в сторону сумочка. Господи, Ксения, когда ты перестанешь лицедействовать и станешь самой собой – ведь ты далеко не такая плохая, какой хочешь показаться. С чего тебе пришло в голову, что гибрид Екатерины Второй и баронессы Рэтчер, премьера Соединенного Королевства восьмидесятых, – это то, чем ты должна выглядеть?

Я молча открыл спрятанный в стене за потайной панелью бар. Бутылки содержались там не так, как обычно, а в полной темноте, на боку, на специальных подставках и при оптимальной температуре и влажности. Часть бутылок была родом с виноградников, принадлежащих мне.

– Шампанского, сударыня?

– Нет... Вина. Красного вина.

Вот даже как...

– Вина?

– Да, черт возьми, вина. Хочу напиток до чертиков.

– Сударыня, чрезмерное употребление спиртного для прекрасной дамы чревато грехопадением, о котором она потом сама же и будет сожалеть.

– Кому, как не вам, это знать, – огрызнулась Ксения.

Выпад был злым и явно незаслуженным. Но я молча проглотил это, открыл бутылку вина, присланного с Азовского побережья. Там были очень плохие условия для виноградарства – снег зимой, каменистая почва и чудовищные ветра, обнажающие корни лозы. Но именно поэтому опытный виноградарь мог сделать там просто потрясающее вино. Для того чтобы получилось хорошее вино, винная лоза должна страдать. Кто думает по-другому, тому прямая дорога в дешевую винную лавку, где вашему вниманию будут представлены десятки сортов ординарных вин, водянистых, иногда и спиртом крепленных, с виноградников, орошаемых установками, управляемыми компьютером...

– Прошу, сударыня.

Ксения опрокинула бокал, как заправский гвардеец, одним глотком. Я немного покачал бокал, чтобы увидеть, как вино на его стенках показывает «ножки», один из отличительных признаков густого, хорошего, настоящего вина. При вращении вино покрывает стенки бокала, потом, когда центробежная сила перестанет действовать, оно стекает вниз под воздействием силы тяжести. Но если вино достаточно густое, насыщенное, не жидкое, то остаются полоски на стекле. Это и есть «ножки». Вино было цвета крови и очень насыщенным.

Полюбовавшись на ножки – увы, только в бокале, – я отпил глоток. И в самом деле, неплохо...

– Еще?

Ксения послушно подставила бокал, я же ограничился тем, что у меня было. Сейчас не время напиваться, голова должна быть трезвой. В бокале оказалось намного больше вина, чем это принято по правилам.

– Хотите напоить меня, господин адмирал...

– Сударыня, я слишком хорошего воспитания, чтобы пользоваться минутной слабостью женщины...

– А жаль... – Ксения отпила из бокала, задумчиво на меня посмотрела и заключила: – Очень жаль...

Вот и пойми этих женщин...

– Ну, как... – Ксения с какой-то недоброй усмешкой в глазах смотрела на меня поверх бокала, – аудиенция?

– Ты знаешь?

– Господи, конечно, знаю! Вы же ничего не можете скрыть, как следует! У мужиков все на лице написано, исключений нет! И болтаете – хуже нас! Он носится с этой идиотской идеей, как дурак с писаной торбой! Ездит в этот проклятый аэроклуб и прыгает с парашютом, несмотря на запреты. Господи, ты можешь себе это представить – Император прыгает с парашютом...

Я ничего не ответил.

– Он сошел с ума! – твердо сказала Ксения – Он получил неправильное воспитание! Вместо того, чтобы нанять нормальных преподавателей, чтобы отправить его в нормальное учебное заведение, Николай пустил все на самотек и занялся этой шлюхой! И вот результат!

Ксения накручивала себя. Множила счет.

– Вообще-то я полагаю дать ему рекомендацию, – сказал я.

Ксения остановилась. На полном скаку.

– Какую... рекомендацию? – спросила она.

– Существует пять территориальных учебных центров спецназа, – объяснил я, – я имею в виду армейский, не флотский спецназ. Вопреки обычному мнению, поступить туда можно не только из действующей армии, нужно просто сдать очень серьезные вступительные экзамены и представить рекомендацию. Всего одну, но это должна быть рекомендация либо командования части, либо очень авторитетного, имеющего вес в армии командира скаутов, либо просто действующего старшего офицера сил специального назначения. Павел обратился ко мне за рекомендацией, и я намерен предоставить ее.

– Только этого не хватало... Ты понимаешь...

– Я все прекрасно понимаю. Ты уже воспитала Николая, хватит. Павел воспитан правильно, он заслуживает этой рекомендации и получит ее.

– Ты хочешь быть ответственным за смерть Монарха?

– Нет, не хочу. Времени осталось более чем достаточно. Прием идет с шестнадцати лет. Пока Павлу не исполнилось шестнадцати – время у нас есть. Потом у нас еще есть два года на курс подготовки. За это время я займусь Афганистаном, если ты не против. И сделаю так, чтобы к моменту службы Павла ему там ничего не грозило...

11 июля 2013 года Территория Британской Индии Медресе Хаккания

Бойся клыков тигра, яда кобры и мести афганца...
Пословица

В этих краях, перенаселенных, переполненных жестокостью, не было места ни правде, ни жалости. Местный народ, не такой уж плохой, по сути, постоянно кто-то угнетал: сначала это были жадные раджи, потом не менее жадные англичане. Теперь на смену англичанам пришли худшие угнетатели из возможных: ведь верно сказано, что нет худшего хозяина, чем бывший раб. Лишившиеся права содержать нормальную, профессиональную армию в Индии, тем более на границе с Российской империей, по бисмаркскому урегулированию, англичане мгновенно перестроили ряды. Колониальные силы, раньше состоявшие из профессиональных частей и туземных полков, были перестроены: теперь туземные полки выдвигались на первый план, их численность быстро росла. Мгновенно было снято ограничение на служебный рост, и за год появились генералы и полковники из местных. Хорошо известно, что редкий раб мечтает о свободе – обычно раб мечтает иметь своих рабов. Так и получилось: туземные полки, составленные из бывших крестьян, под командованием офицеров из местных в жестокости и насилии над людьми буквально за год превзошли англичан.

Прежде чем рассказывать дальше, остановлюсь на том, чем таким была армия в Британской Индии и почему все получилось так, как получилось, уход британской армии из Индии обернулся не свободой, а еще большим насилием и угнетением. В отличие от Российской империи Британия воспринимала Индию как колонию и не развивала ее, но наживалась на ней. У британцев не было никакого желания содержать так оккупационные силы, и даже Министерство по делам колоний не очень-то хотело знать, что происходит в «жемчужине колониальной Империи». Последний министр по делам национальностей, отставной бригадир армии Ее Величества, сэр Бэзил Хоути начинал еще с утра и к обеду был в таком состоянии, что невозможно было решить ни один мало-мальски серьезный вопрос: до этого он работал послом и пристрастился на этой службе к выпивке. В то же время в Индию то и дело ехали отпрыски обедневших, но влиятельных родов Британии, девизом которых на колониальной службе было «каждому по девушке и одному лакху⁸ в день». Опустошения, которые они проводили на индийской земле, были сродни опустошениям, какие могут принести кролики на капустной грядке.

Для того чтобы содержать оккупационную армию, при этом не слишком сильно тратясь, было придумано, что армии – конкретно по полкам и бригадам – передавались большие участки плодородной земли, причем вместе с крестьянами. Британцы, кичившиеся тем, что они борются с рабством и показывавшие пальцем на Россию с ее долго не отменявшимся крепостничеством, сами совершенно спокойно приписывали крестьян к земле и заставляли на ней трудиться за часть урожая. Сначала все это использовалось для того, чтобы обеспечить кормом кавалерийских лошадей и пропитать солдат и офицеров полков, затем кавалерийских лошадей не стало, и теперь пропитание выращивали и на продажу. В стране, в которой две трети территории составляют непригодные к хозяйствованию горы и непроходимые джунгли, любое пропитание на любом базаре шло на ура, и в двадцатом веке страну периодически посещал голод.

⁸ Один лакх – мера валюты. В нашем мире – примерно четыре тысячи долларов САСШ, в этом – примерно пятьсот британских фунтов стерлингов. В Британской Индии была своя валюта, впрочем, свободно обменивавшаяся на фунт.

Потом кому-то очень умному из офицеров-хозяйственников пришла в голову великолепная идея: засадить отведенные для своей бригады земли опиумным маком и заставить крестьян собирать его. Что ж, британской аристократии не впервой промышлять и наркоторговлей, с Китаем было все то же самое, пока Китай не отобрала Япония.

Потом, когда стали формироваться туземные полки, землю начали передавать и им, но в гораздо меньшем количестве. От этого рождалось недовольство, туземные полки были недовольны и требовали себе таких же наделов, причем такие требования выдвигали британские офицеры, стоящие командирами над ними. В самом деле, почему у моего однокашника по Сандхерсту Тома тысяча гектаров под опиумным маком, а я, такой же британский офицер, только командующий туземным полком, и двухсот не могу себе позволить. Не в последнюю очередь именно этим обусловлена была низкая стойкость туземных полков, через которые как каток прошли подразделения русской армии, в ходе блестящей трехдневной операции взявшие один из крупнейших городов региона – Карачи, стратегически важный порт и отрезавший от территории Британской Индии восьмую часть без особых потерь.

После поражения Его Величество, Король Англии Эдуард Девятый принял быстрые и жесткие решения, мало кто оценил тогда, в восстанавливающемся после мировой войны и обмена ядерными ударами мире, их смертоносность. Британская Индия была официально разделена на Северную и Южную, раздел проходил примерно по линии раздела между мусульманами и индуистами. Северная Индия объявлялась особой территорией, где правит военная, а не гражданская администрация. Спешно организовывались новые туземные полки, им передавалась земля – и после первого же урожая цена героина в мире понизилась вдвое, так много его было. Новые генералы и полковники, выходцы из местных, спешно и жадно осваивали новый рынок. Многие из них голодали в детстве, и поэтому сейчас они не могли наесться.

Но существовали ведь и простые люди! Те самые, которые работали на этих опиумных плантациях издольщиками. Свою долю товара, опия-сырца, они были вынуждены либо продавать этим же генералам и полковникам по монополюно низким ценам, либо перерабатывать в героин и отправлять на север, в Россию. На этом пути, ведущем в Россию через Афганистан и всю Азию, их ждали электронные глаза поисковых систем беспилотников и дирижаблей, боевые вертолеты и самолеты, снайперы и пулеметчики казаков и спецназа, поисковые собаки и мины-ловушки. Товар делили на десять частей и отправляли по десяти разным маршрутам – и хорошо, если один-два достигал цели, а ведь этот товар был единственным, что было у этих людей, единственным, что можно было продать и им обеспечить семью. Все с тревогой ждали сообщений гонцов: там забит караван, и тут забит караван. Некоторые теряли все, что имели, да еще и оказывались в долгу перед переработчиками, и их ждал голод. Так здесь рождалась ненависть к русским, которой тут никогда до этого не было.

Тут же активизировались и деобандисты. Феномен деобандизма нужно было понимать, чтобы вообще понимать происходящее в регионе. В начале двадцатого века сложилась чрезвычайно опасная ситуация, когда все мировые центры ислама – Мекка, Медина, Кербела, Казань, Константинополь – оказались под прямым и опосредованным контролем русских. Британцы, имевшие тогда до сотни миллионов мусульман в Индии и Афганистан в приоритете, сильно обеспокоились этим обстоятельством, потому что духовный контроль над их территориями оказывался в руках русских, а это было недопустимо. Следовало предпринять меры к созданию собственного, признанного хотя бы своим населением исламского центра – и он был создан.

15 мухаррама 1283 года хиджы⁹ в городе Деобанде был заложен первый камень в основание Дар уль-улюм Деобанд – исламского университета и медресе. В отличие от многих других – это медресе было бесплатным (считалось, что оно существует на пожертвования верующих), что сразу привлекло к нему большое количество верующих, желающих отдать для обучения

⁹ 30.05.1866 г.

детей: ведь стать муллой в голодной Индии означало никогда не знать голода! Шестидесят шестой год девятнадцатого века был годом особенным: Британия сумела собрать «концерт держав» и напала на Россию в Крыму, но добилась на удивление немногого, притом понесла тяжелые потери. Мало кто знает, что британцы настаивали на продолжении войны, отторжении Кавказа и Средней Азии, но Франции, возглавляемой тогда Наполеоном Третьим, территориальное усиление извечного врага Англии было совершенно не нужно, и она категорически отказалась участвовать в планировавшемся Кавказском и Среднеазиатском походах. В итоге Крымская война закончилась практически ничем, нулевым результатом с тяжелыми потерями обеих сторон¹⁰. Британский кабинет министров по итогам войны подал в отставку.

Тогда стала рождаться идея нового похода – удара британской армии через Афганистан по Средней Азии и дальше, через степи – на Восток с целью отрезать от России всю восточную ее часть и значительную часть Сибири. Одновременно с этим объединенный флот (Британия, Япония, возможно, что и Франция или США) должен был высадить десант на Владивосток, мстя тем самым за провал разбойного налета контр-адмирала Прайса¹¹. Для этого нужно было захватить Афганистан, вплотную подойдя к русским границам, но не только. Британцы поняли, что Россию невозможно победить военной силой, ее предварительно нужно разложить изнутри. Европейскую часть России разлагал «радатель за народ» и по совместительству педераст А. И. Герцен¹², сожительствующий в Лондоне с неким Огаревым, а вот разносить заразу агрессивного ислама по Средней Азии, Кавказу, если получится, то и до бывшего Казанского ханства, было поручено деобандистам.

Идея похода на север потерпела крах в Афганистане, но школа деобандизма осталась и добилась значительных успехов в деле распространения исламистской заразы. В Деобанд стекались тысячи верующих со своими сыновьями – в том числе из Персии, Афганистана, Средней Азии, с Кавказа. Школа постепенно приобретала вес в мусульманском мире, здесь работали десятки видных ученых-богословов. Первоначально британская колониальная администрация жестоко преследовала деобандистов, пытающихся создать какое-то политическое движение, но начиная с двадцатых годов они посыпались как из рога изобилия: «Джамаат улема ислам» – Объединение ученых и духовенства, «Хаксар Тахрик» – Движение обездоленных, созданное как благотворительная организация, «Таблиги Джамаат» – Общество пропаганды¹³. В начале сороковых, чувствуя приближение новой войны, деобандисты по невидимому сигналу активизируются еще больше. Мавлана Абдуль-Хак, один из наиболее агрессивных лидеров деобандистов, разошедшись во взглядах с умеренными, уезжает на север страны, где в местечке Ахора Хатак, пригороде Пешавара, создает печально знаменитое медресе Хаккания, где проповедуют уже откровенно террористические идеи. В 1943 году другой радикальный проповедник, Саид абу-л-ала Маудуди создает «Джамаат и ислами» – Исламское общество, откровенный рассадник терроризма. Он же пишет книгу «Исламский закон и конституция», где отрицает любую светскую власть, любое светское государство и развивает теорию исламского государства – государства, живущего только и исключительно по законам шариата, во главе которого вождь и совет асхабов, наиболее выдающихся представителей исламской элиты. Им же было введено в обращение понятие «талиб» – оно означает не только студент, в более широком понимании оно означает «стремящийся, требующий, ищущий». Исламская элита нового халифата обозначалась Маудуди как «талибан и гайят», стремящиеся к совершенству. Отношения между

¹⁰ Потери объединенных сил Запада были больше в 1,3–1,4 раза.

¹¹ Во время Крымской войны объединенная эскадра Британии и Франции попыталась высадить десант на территории современного Дальнего Востока. Десант был отражен на порядок меньшими силами русских, командующий объединенной эскадрой контр-адмирал Британского флота Прайс, по одним данным, покончил с собой, по другим – погиб.

¹² Читайте, к примеру, письмо Грановского Герцену 25.08.1849 г. Вообще, среди революционеров гомосексуализм был широко распространенным явлением.

¹³ Автор описывает реально происходившие вещи, правда меняя даты.

ними и Аллахом и между ними и остальным обществом должны были укладываться в принцип «ибадат»¹⁴ – рабское подчинение.

Поход на Восток, не состоявшийся в семидесятые годы девятнадцатого века, не состоялся и в сороковые годы двадцатого. Помешало появившееся сначала у немцев, а потом и у русских ядерное оружие: в критический момент немцы открыто пригрозили атомными бомбежками Лондона. Полностью готовая террористическая инфраструктура, которая должна была посылать боевиков-фанатиков на территорию, подконтрольную России, осталась на территории Британской Индии. Часть из деобандистов продолжала подчиняться указаниям британских спецслужб, а часть, в том числе большая часть учеников медресе Хакканиа, объявила британскому господству в Индии террористическую войну. Они потребовали отделения от Британской Индии населенных мусульманами территорий и провозглашения на этих землях государства Пакистан, что в переводе значит – Государство чистых. Под ударами британской армии и спецслужб многие бежали в самоуправляемую Зону племен, в Афганистан и даже дальше, некоторых выловили в Средней Азии уже русские. Террористическая война продолжалась с переменным успехом до тех пор, пока русские не разбили британцев и не заставили их демилитаризовать Индию. Буквально за пару лет, восстановив позиции в Северной Индии, теперь самоуправляемой территории, деобандисты понесли свою заразу дальше, по всему Востоку, Ближнему, Среднему. Они даже не пытались объединиться с русскими против британцев – вместо этого моуллави Абдалла Рахмани объявил России джихад и призвал всех правоверных, живущих под пятой русистов, убить Его Величество, Императора Николая Третьего, и создать на Восточных территориях России исламский халифат по заветам моуллави Маудуди. А такие слова были не те, что можно прощать...

– Аллах акбар! Руси – ма каталах! Аллах акбар! Руси – ма каталах!¹⁵

Разъяренная толпа, размахивая черными флагами с шахадами, катилась по Хайбер-Роад, похороны очередных бандитов, ликвидированных точным ударом ракеты с русского беспилотника, собрали не меньше десяти тысяч человек. Ислам запрещает хоронить мертвых в гробах, и убитых, обернутых в чистые белые простыни, несли на чем-то напоминающем носилки, несли на руках, над толпой. Полиция не просто бездействовала – полиции не было, она разбежалась из этой части города, чтобы не попасть под удар. Шли быстро, над толпой колыхались запрещенные флаги, зеленые – цвет ислама и еще хуже – черные, с белыми надписями на них арабской вязью шахада! Точно такие же повязки были на головах у многих правоверных – широкая лента, повязывающая волосы, на ней было написано: нет бога, кроме Аллаха, и Мохаммед пророк его. Достаточно было и оружия – от палок до автоматов. То тут, то там – то хрустело стекло: грабили лавки, которые держали не мусульмане, то жалким, заячьим вскриком оканчивалась жизнь человека, которому не повезло быть кяффиром и которому не повезло оказаться на пути толпы. Разъяренная толпа катилась по широкой улице, оставляя за собой разбитые стекла, искореженные машины и искалеченных, оплывающих кровью на асфальте людей...

В одном из мест севернее Хайбер-роад, на последнем этаже одного из немногих высотных зданий в Пешаваре, высота которого была достаточной, чтобы видеть форт Бала-хиссар в Старом городе, в квартире стояли два стола, составленных друг с другом. Поверх этого сооружения лежал матрац, вперед положили упругие, с наполнителем на основе поролона диванные подушки, чтобы создать опору для цевья. Увы... мешка с песком, который лучше всего подошел бы в такой ситуации, тут не было, его негде было купить и некогда набирать. Зато, у тех двоих, которые лежали на столе уже несколько часов, сменяя друг друга у винтовки,

¹⁴ Слово «ибадат» происходит от «абд», раб. Соответственно, если говорится, что кто-то выполняет ибадаты – это значит, что он выполняет действия, подтверждающие его рабское подчинение Аллаху.

¹⁵ Аллах велик, русским – смерть.

было много чего другого. Винтовка «Barrett M107A1» с прицелом «BORS» и штатным глушителем, не влияющим на точность попадания, оптической системой «Celestron», не «Цейс», конечно, но тоже ничего. Наконец у них была карманная метеостанция «Kestrel 4000NV», первоначально разрабатывавшаяся для туристов, но за последнее десятилетие ставшая неотъемлемой частью снаряжения любого снайпера по всему миру...

Было жарко. Опасаясь, что все, что происходит, происходит с ведома британцев и полицейские вертолеты, кружащие над городом, высматривают в том числе и снайперов, они оборудовали позицию так, как ее оборудуют в боевых условиях. Стол с позицией для стрелка – ни в коем случае не с балкона, выставив ствол на метр на улицу. Балконная дверь не открыта, а приоткрыта, перед их укрытием они повесили два больших полотна ткани, чтобы видно было только ствол и часть цевья... пойдешь разберись, что это такое. Вчера Бес прошелся по городу, залез на пару крыш и примотал там к антеннам небольшие куски зеленой ткани – старый трюк, позволяющий снайперу узнавать силу и направление ветра без «Кестрала». Сейчас было почти полное безветрие, что несказанно радовало обоих лежащих бок о бок на импровизированной стрелковой позиции людей. Все-таки ни Бес, ни Араб не были настоящими снайперами. Меткими стрелками – да, безусловно, даже чрезвычайно меткими стрелками. Но не снайперами, способными попасть в цель одной-единственной пулей с двух тысяч ста пятидесяти метров. Для того, чтобы сделать такое, недостаточно просто тренироваться, нужно быть одаренным от Бога.

Но таких снайперов в распоряжении командования специальных операций на этом направлении не было. Верней, быть-то были, но ни один из них не говорил по-арабски как на родном языке, не знал пушту, не понимал сказанное на урду, не умел совершать намаз, не воевал вот почти уже двадцать лет на Востоке. Поэтому послали их.

– Крайняя гастроль... – Араб оторвался от соломинки, через которую он потягивал сок, – хватит с нас.

– Иншалла, – пожал плечами правоверный Бес. Чего только не прошедший за свою жизнь, бывший хулиган из Казани, ставший не бандитским авторитетом, а подполковником русской армии, Бес в последнее время сильно заинтересовался исламом, он читал книги, какие ему удавалось добыть, говорил с авторитетными богословами и даже допрашивал пленных, ведя подчас с ними многочасовые богословские споры. Вера не мешала ему продолжать войну – тех же деобандистов, осквернителей веры и переносчиков заразы, он считал поправшими святое дело ислама, опоганившими Коран и за это заслуживающими смерти.

Арабу было жарко, душно, он видел через прицел то, что творится на улице, и типично арабское, фанатическое «иншалла» его разозлило. Даже если это слово произнес его друг и напарник вот уже два десятка.

– Ты туда глянь, – раздраженно сказал он, – это что, тоже «иншалла»? А?

– Это от сатаны, – терпеливо и беззлобно сказал Бес, – ты меряешь этих людей по нашим меркам, ты не хочешь понять, почему они так поступают. Если мы родились в стране, где армия защищает людей, то они родились в стране, где армия их угнетает. Они никогда в жизни не видели ничего хорошего ни от англичан, ни от военных, ни от полицейских, они знают, что закон это не для них, что их никто не защитит, кроме их рода да вот этих вот подонков, которые толкуют Коран как им вздумается и дают фикхи¹⁶, хотя не имеют на это никакого права.

– Ты слышишь, что они кричат? Смерть русским!

– Слышу, брат. Но они имеют на это право, ведь мы убили людей из них. И собираемся убить еще кое-кого. Но это честная игра.

– Это не игра. Уже не игра. Они убивают нас. Лично я в детстве понял только одно: когда здороваешься с арабом, вторую руку держи на рукояти пистолета, вот и все.

¹⁶ Фикхи – толкование Корана и хадисов, обязательное к исполнению.

– Успокойся. Ты прав, брат, это – уже не игра...

Черный «Даймлер Соверен», роскошная, слишком роскошная для этого места машина, выехала на дорогу с территории одного из самых крупных имений в Хаятабаде, дорогой пригороде Пешавара, но гражданском, военные жили в районе «Хайбер-клуба». Следом за ней на дорогу выехал черный «Рейндж Ровер», старый, но бронированный, раньше он ездил в кортеже губернатора этого района, а потом был продан с торгов вместе со многим другим имуществом. Покупатели остались неизвестными.

В салоне «Даймлера» сидел на водительском месте человек, по виду моложе сорока, высокий, худой, бородатый. Он не имел при себе ни сотового телефона, ни коммуникатора, ничего подобного – только ключи от машины, от этого самого «Даймлера», за рулем которого он ехал. Его охраняли всего четыре человека – четыре до зубов вооруженных и преданных бойца, каждый из которых являлся убежденным деобандистом. Пешавар был опасным местом, кишашим беженцами, которых прогнали пуштуны со своей земли после того, как русские захватили ее¹⁷, торговцами, пришедшими неизвестно откуда, всякими темными людьми. Но ему здесь нечего было опасаться. Потому что его звали моуллави Абдалла Рахмани, и он был предводителем этих людей, обездоленных, озлобленных, готовых убивать и умирать. Он был одним из лидеров «Джамаат и ислами» и единоличным лидером созданного им не так давно военного движения, названного по книге моуллави Маудуди Талибаном. Ему нечего было опасаться, даже если бы он решил пойти до Хайберской крепости пешком – любого, кто посягнул бы на него, разорвали бы на месте.

Вчера налет русских беспилотных самолетов, которые обнаглели до того, что наносили удары и по лагерям на территории Британской Индии, привел к тому, что амер Ажас Мушашак и с ним все, кто собрался на вечерний намаз в одном из лагерей, стали шахидами на пути Аллаха. Русская ракета – не обошлось без предателя! – попала в дом, совершенно такой же, как и десяток других рядом, когда молящиеся еще не успели дочитать и первого раката. По исламским канонам, погибших надо было похоронить до захода солнца, но удар был нанесен, когда солнце уже скрылось на западе, и получалось, что погибших надо похоронить до следующего заката. Амер Мушашак был удачливым, отмеченным благословением Аллаха воином, не так давно он взорвал целый автобус, где ехали русисты, и он погиб точно так, как должен погибнуть любой, кто стремится в рай, – смертью шахида. Теперь сам Мушашак был в раю, вероятно, он сидел в окружении тех, кто стал шахидом до него, рассказывая новости с Джихада, но даже мертвым он был еще нужен. Его смерть должна была послужить примером для молодых и знаменем для всех остальных. Он, моуллави Рахмани, собирался еще раз выступить перед народом и сказать – нас не победить. Не сломить. Не убить. Конец империи нечестивых, неверных близок – и следующую создадут они.

Моуллави Рахмани и не думал скорбеть по павшему соратнику, как не скорбел здесь по нему никто, ни те, кто нес сейчас трупы на руках по улицам города, ни те, кто готовился пойти путем павших, чтобы найти и свою смерть. Русские кое-что не понимали. Они держали удары и наносили удары ответные, как вчера, но это невозможно было остановить ракетами и минами, подложенными на дороге. Даже те, кто пал в этой неравной борьбе, продолжали бороться мерт-

¹⁷ По итогам бисмарского урегулирования Россия в полном объеме получила так называемую племенную территорию, отобранную англичанами у пуштунов по кабальному договору Дюранда. Вообще-то это не было территориальным захватом – договор Дюранда действовал до 1994 года, и русские просто потребовали выполнить условия договора и вывести войска. Пешавар оказался в десяти милях от новой границы. Когда эта земля была британской, британцы насильно сгоняли оттуда пуштунов и отдавали землю другим народностям. После того, как весь Афганистан и племенные территории взяли русские, пуштуны силой оружия согнали всех, кого привели туда англичане, выгнав людей на британскую территорию часто в том, в чем они были. Ошибка русских была в том, что они не воспрепятствовали этому тогда, расплачиваясь за хорошие отношения с пуштунскими племенами. Огромное количество беженцев расположилось по новой границе на британской территории, и это стало причиной развертывания террористической войны в новом Афганистане и на всем Востоке.

выми. Взорванные, повешенные, расстрелянные, сгоревшие заживо – они продолжали борьбу, их портреты висели на стенах домов, записи их подвигов на видео продавались в любой лавке и переписывались с телефона на телефон. Когда погибал кто-то из русских, русские скорбели, оплакивали павших. Когда погибал кто-то из его людей, остальные радовались, потому что он попал в рай, проторив дорогу и им. Возможно, он скажет Аллаху доброе и про них, ведь молитва шахида, павшего на пути Джихада, будет выслушана в первую очередь!

Машина, за рулем которой был моуллави Рахмани, выехала на Хайбер-роад и остановилась. Несущая убитых толпа приветственно взревела, в небо взметнулись черные флаги и портреты, на которых был он – моуллави Рахмани.

– Гнездо – всем группам Мосин. Гнездо – всем группам Мосин. Наблюдаю цель, возможно, особо важный объект. Цель движется направлением на юго-восток. Всем группам Мосин принять готовность один, повторяю – всем группам Мосин принять готовность один.

В зале боевого управления, расположенном в Багдаде, группа офицеров скопилась у большого монитора, на который давал данные спутник, один из спутников двойного назначения, вращающихся на орбите, он был размером с рейсовый автобус и носил имя «Легенда-26». Сейчас спутник находился в двух с лишним сотнях километров на границе Афганистана и Британской Индии, он медленно продвигался вперед, и его объективы отслеживали цели на земле. Широкополосный был направлен на Пешавар, отслеживая обстановку в городе, узкополосный отслеживал движение кортежа из двух машин, пробирающихся по улицам Хаятабада.

– Он свил гнездо у самой границы – недовольтно заметил один из офицеров, – по нашим данным, он скрывается где-то в Тагмане.

– Еще бы... – заметил другой офицер, – этой информации два дня как минимум, а это все равно что миллион лет. Это умный парень, он никогда не ночует два раза в одном и том же месте...

– Я тоже стараюсь не ночевать два раза в одном и том же месте, – пошутил стоящий чуть позади основной группы майор, но его шутку никто не поддержал, и она погасла, как огонек свечи на сильном ветру.

– Мы можем определить номер его машины? – спросил старший по званию здесь полковник у сидевшего за пультом оператора.

– Попробую, господин полковник.

Изображение поплыло, становясь все размытее и размытее – нужно было сфотографировать машину, точнее, нужную ее часть на максимальном разрешении, а потом очистить картинку. Раньше все это делалось вручную и занимало время, теперь система глобальной слежки «Ермак» делала все сама, стоило только нажать на кнопку.

Изображение вернулось в свое нормальное состояние...

– Надо немного подождать, господин полковник, ракурс нехороший.

Полковник ничего не ответил...

Машина сворачивала на Шахра-роад.

– Господин полковник, вы только посмотрите, что делается! – крикнул один из операторов центра.

– Дайте изображение сюда. Держите машину под контролем.

– Есть.

Изображение сменилось. От того, что представляла собой Хайбер-Роад, кровь стыла в жилах, даже несмотря на то, что они находились в паре тысяч километров от этого места – все равно у многих побежали мурашки по коже. Те из русских, кто служил на Востоке, часто образовывали семейные династии, и у половины, находящихся в зале, здесь же служили отец, брат, дядя, дед. Они прекрасно представляли себе, насколько страшна толпа, но еще страшнее толпа на Востоке. Эти тысячи людей, что идут с черными флагами и несут на руках тела, –

среди них есть десятки, сотни таких, как те, кто вчера стал шахидом. И это будет повторяться раз за разом.

Никто не собирался сдаться. Никто не собирался сложить руки. Но все равно было очень страшно.

– Да помилует их Господь... – негромко сказал кто-то, хотя вот этим помилование Господа как раз и не было нужно. Им нужно было, чтобы было «по их», и для этого они готовы были смести с лица земли все что угодно.

– Господин полковник, автомобильный номер! – громко сказал кто-то. – Михаил Евгений Сидор пять три пять, номера федеральных территорий. Записаны за Даудом Сингхом, торговец, другой информации по нему нет.

– Левые... – раздраженно бросил кто-то.

– Пробеите по базе, может, там еще что-то есть, – распорядился полковник, – выйдите на связь с Мосиным-один, пусть доложит о возможности работать.

Араб вдохнул полной грудью, задержал дыхание и резко выдохнул. Потом еще раз. С каждым вдохом он уменьшал количество вдыхаемого воздуха, но старался выдохнуть до конца. Его опыт подсказывал ему, что лишний кислород в крови весьма отрицательно сказывается на меткости выстрела.

– Наблюдаю цель. Автомобиль черный, марки «Даймлер». Медленно продвигается вперед.

– Дистанция?

– Две ноль восемьдесят, увеличивается.

Это был невозможный выстрел. Безумно дальний выстрел. Выстрел на грани возможного. Еще десять лет назад людей, которые решились бы на такой выстрел, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

– Цель закрыта.

– Подтверждаю, цель закрыта.

В прицел Араба, поставленный на X24, максимальное увеличение, попал пацан лет двенадцати. Он шел перед толпой, вышагивал гордо, что-то кричал, потрясая вздетой вверх рукой. Неизвестно, кто додумался пустить перед толпой двенадцатилетнего пацана, но зрелище было страшное.

Вырастет, и...

– Машина остановилась. Цель остановилась.

– Ждем... Дистанция?

– Два сто. Два сто три.

Там, в двух километрах от них, толпа окружила машину...

Он любил фокус. Простой фокус, который всегда проходил на ура. Он вышел из машины, держа руки в карманах, и тут же машина мигнула фарами и щелкнула защелками центрального замка, запираясь. В одном из его карманов лежал пульт дистанционного управления автосигнализацией, но для этих темных людей это было все равно что знамение Аллаха.

А тот, кто знал про автосигнализацию, помалкивал. Понимал, что нет ничего хуже, чем попасться на глаза разъяренной, жаждущей не правосудия, но крови толпе.

– Аллах акбар! – выкрикнул Рахмани.

– Аллах акбар!!! – тысячеустно громыхнуло в ответ.

Рядом был форт Бала-Хиссар, массивное, светло-бурое сооружение причудливой формы, во времена оные привлекавшее немало туристов. С одного из фортов, сверху, очень удобно было выступать...

– Цель исчезла. Цель ушла из зоны видимости.

– Да вижу... – досадливо сплюнул Бес, – он появится. Появится...

Нервы... Только спокойно. Нервы – лишнее для стрелка, только не нервничать. Спокоен, как лед, спокоен как скала. Время – всего лишь река, оно течет плавно, но неотвратимо. Течение само вынесет тебя туда, куда предопределено.

– Гнездо вызывает Мосина-один. Мосин-один, ответьте Гнезду.

Бес чертыхнулся.

– Гнездо, Мосин-один на приеме. Цель не видим, повторяю – цель не видим.

– Мосин-один, это Гнездо, цель подтверждена, у нас есть добро. Мы наблюдаем цель, она закрыта от вас и движется. Как только увидите цель – огонь по готовности.

– Гнездо, это Мосин-один, вас понял.

Ни о каких согласованиях с Генеральным штабом или даже с Его Величеством – об этом и речи быть не может, только в синематографе показывают, как во время специальной операции кто-то поднимает трубку и срочно требует на связь Президента или того пуце – Его Величество. Обвинительное дело моуллави Рахмани оформил Генеральный прокурор, после чего Священный Синод одобрил обвинение, а Верховный суд на закрытой сессии объявил Рахмани и всю его группировку вне закона. Это значило, что любой подданный имеет право и даже обязан убить объявленного вне закона на месте, как только ему доведется встретить его.

– Правоверные! Братья мои! – Толпа заволновалась. – Сегодня мы с вами предаем земле шестерых наших братьев, ставших шахидами на пути Аллаха! Но не считайте, что эти люди, принявшие смерть, мертвы! Нет, они живы! Пророк Аллаха, саллаллаху алейхи ва саллям, однажды сказал своим асхабам следующие слова: «Не считай же покойниками тех, которые были убиты во имя Аллаха. Нет, живы они и получают удел от Господа своего, радуясь тому, что Аллах даровал им по милости Своей, радуясь тому, что нет причин для страха и печали у тех, которые еще не присоединились к ним. Они радуются милости и щедрости Аллаха, тому, что Аллах не оставит верующих без награды, которую они заслужили»¹⁸. Кто из нас, ничтожнейших рабов Аллаха, посмеет усомниться в этих словах?!

– Аллах акбар! – взревела толпа.

– И сказано также в великом Коране: «Пусть сражаются во имя Аллаха те, которые покупают будущую жизнь в этом мире. Тому, кто будет сражаться во имя Аллаха и будет убит или победит, мы даруем великое вознаграждение»¹⁹. Возрадуемся же за наших братьев, правоверные, ибо они уже в раю и осыпаны милостями Аллаха! Аллах акбар!

– Аллаху акбар!

– Сам Пророк, саллаллаху алейхи ва саллям, со всей искренностью души желавший стать шахидом на пути Аллаха, неоднократно говорил: «Я бы принимал участие во всех военных операциях, не оставаясь в стороне ни от одной из них, если бы не опасение за то, что моей общине придется туго. Я бы желал стать шахидом на пути Аллаха, чтобы затем неоднократно, будучи воскрешенным, вновь принять смерть шахида!»²⁰

– Не думайте, что Всевышний не видит наших бед и несчастий, то, что вы прозябаете в нищете и многие из вас даже не имеют средств на то, чтобы совершить хадж. Это – наказание за то, что долгие годы мы жили, склонив головы, как животные, под ярмом безбожников и многобожников! Но тех, кто ступил на путь Аллаха и идет по нему, ждет великая награда, ведь сказано: «Сегодня ночью я увидел во сне двух людей. Подойдя ко мне, они помогли мне взобраться на дерево, а затем привели в какой-то дом. Дом тот был невиданной мною красоты

¹⁸ Сура «Аль Имран», 169–171.

¹⁹ Сура «Ан-Ниса», 74.

²⁰ Бухари «Иман», 25; Муслим «Имара», 103, 107.

и богатства. Потом те два человека сказали мне: «Этот несравненный дом является дворцом шахидов»²¹. Такой дворец готов принять всех павших на пути Аллаха! Аллах акбар!

- Дальность.
- Две ноль девяносто восемь. Он неподвижен.
- Ветер?
- Почти безветрие. Около нуля.

Хоть это...

Араб еще раз посмотрел на баллистический калькулятор, входящий в стандартное оснащение прицела «BORS», чтобы еще раз убедиться, что остальные поправки – на давление, на высоту над уровнем моря, на перепад высоты между стрелковой позицией и целью – он ввел правильно. Все это он ввел заранее, потому что это были неизменные величины.

- Мосин-один, это...
- Бес вырубил рацию.
- Огонь по готовности. Давай.

Араб досчитал до трех, и когда моуллави Рахмани замер в неподвижности с выброшенной вверх и вперед рукой, указывающей в сторону ненавистной ему Русни, – он как раз призывал собравшихся последовать примеру уже павших, идти и искать смерть шахида на севере, – Араб выстрелил...

То, что произошло, запомнили все. Разогретая фанатичными, страстными призывами одного лишь человека, пророка двадцать первого века, призывающего к новому Джихаду, к великим походам и великой крови, толпа внимала сказанному как посланному свыше откровению. И человек этот, одинокая, одетая в белое, подсвечиваемая восходящим солнцем фигурка на каменном форте с многовековой историей, и вправду казался новым мессией, который выведет этот затравленный, униженный народ из многолетнего рабства. И вдруг человек этот начал падать в ореоле света и брызгах крови, он упал на зеленую траву под стенами форта и покатился по ней – и толпа издала один слитный выдох. А потом началось страшное: кто-то бросился к павшему на пути Джихада пророку, и то, что Джихад этот был джихадом слова, было уже неважно. Сильные руки подхватили изуродованный труп с вырванной крупнокалиберной пулей грудной клеткой и понесли над толпой. Без савана, безо всего люди несли изуродованный труп на кладбище, по пути грабя, поджигая и убивая. Его так и похоронили – без надлежащего савана, в одной из могил, – могилы копали для шестерых, но похоронили семерых. Люди плакали, не стесняясь слез, орали, выкрикивали ругательства и проклятья, потрясали сжатыми кулаками. Многие измазались в крови нового пророка, а кто-то всеми силами старался протолкаться вперед, чтобы омочить хоть палец в крови убитого и провести этим по своей одежде и по головной повязке – шахаде, принимая на себя, таким образом, месть. Не меньше сотни человек затоптали насмерть, толпа катилась по улицам, оставляя за собой затоптанных и искалеченных. А потом кто-то крикнул: бей! – и толпа, страшная в своей слепой ярости, ринулась убивать. Англичан здесь почти уже не было, но тем немногим, кто рискнул остаться, суждено было испытать всю силу слепой ярости толпы, и то, что у многих были дробовики, винтовки, и даже автоматы и пулеметы, мало что могло изменить. Бросились грабить и убивать в центре, там было несколько отелей и мест, в которых собирались иностранцы, в основном журналисты. Страшная смерть ждала застигнутых стихией полицейских – кого-то затоптали насмерть, кого-то разорвали на куски, кого-то заживо сожгли. А кто-то бросился грабить и убивать богатые кварталы, в основном военные, и наткнулся там на шквальный автоматно-пулеметный огонь. Солдаты и офицеры, бывшие крестьяне и их угнетатели, стояли в одном строю, выпуская пулю

²¹ Бухари «Джихад», 4; «Джанаиз», 93.

за пулей во взбунтовавшийся город, потому что отлично понимали: эти – не пощадят, и бывшие крестьяне понимали это лучше других. Разграбили все лавки в центре города, потом пошли по окраинам, изнасиловали и растерзали всех женщин, которые рискнули в тот день появиться на улицах города без паранджи, и даже некоторых, кто рискнул появиться на улице в парандже. Ненависть, копившаяся десятилетиями злоба, сдетонировала, как пороховой погреб линкора, – и на улицах Пешавара, считай за час с небольшим, воцарился настоящий ад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.